Студенческий научный журнал

2025

Выпуск 6

Сборник тезисов по итогам конференции

СС

Междисциплинарный беспорядок/disorder: пересобирая гуманитарный субъект

Своими Словами

Своими **Словами**

Междисциплинарный (бес)порядок/(dis)order: пересобирая гуманитарный субъект

выпуск 6 2025

студенческий научный журнал

Школа гуманитарных наук и искусств
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург

svoimi.slovami.journal@gmail.com
https://spb.hse.ru/humart/svoimislovami/

Редакторы

Мадина Мохаммад
mimokhammad@edu.hse.ru

студентка магистерской программы *Русская литература в кросс-культурной и интермедиальной перспективах НИУ ВШЭ СПб*
интересы: *современная русскоязычная литература, теория литературы, германистика, переводоведение, second language acquisition, педагогические практики*

Виктория Власова
vivlasova@edu.hse.ru

студентка магистерской программы *Русская литература в кросс-культурной и интермедиальной перспективах НИУ ВШЭ СПб*
интересы: *советская неофициальная культура, искусствоведение, переводоведение, преподавание английского языка*

Ксения Васильева
kmvasileva@edu.hse.ru

студентка магистерской программы *Русская литература в кросс-культурной и интермедиальной перспективах НИУ ВШЭ СПб*
интересы: *современная и новейшая русскоязычная литература, педагогический дизайн, переводоведение*

Софья Зайцева
sszaytseva_2@edu.hse.ru

студентка магистерской программы *Русская литература в кросс-культурной и интермедиальной перспективах НИУ ВШЭ СПб*
интересы: *советская неофициальная культура, история и социология литературы, текстология*

Анастасия Колчина
aekolchina@edu.hse.ru

студентка магистерской программы *Русская литература в кросс-культурной и интермедиальной перспективах НИУ ВШЭ СПб*
интересы: *неофициальная советская литература, самиздат, текстология*

Редактор англоязычных текстов

Альбина Криворучко
askrivoruchko@edu.hse.ru

студентка магистерской программы *Русская литература в кросс-культурной и интермедиальной перспективах НИУ ВШЭ СПб*
интересы: *германистика, лингвистическая антропология, антропология пищи, гендерные исследования, женская субъектность*

Выпускающий редактор

Виктория Власова
vivlasova@edu.hse.ru

In your own **Words**

Interdisciplinary (Dis)order: Reassembling the Humanitarian Subject

a student-run academic journal

issue 6

2025

The School of Arts and Humanities
of the HSE University — St. Petersburg

svoimi.slovami.journal@gmail.com
https://spb.hse.ru/humart/svoimislovami/

Editors

Madina Mohammad
mimokhammad@edu.hse.ru

Student of Master's programme *Russian Literature in Cross-cultural and Intermedial Perspectives* at HSE University — St. Petersburg
Research interests: *modern Russian literature, literary theory, Germanistics, theory of translation, second language acquisition, pedagogical practices*

Victoria Vlasova
vivlasova@edu.hse.ru

Student of Master's programme *Russian Literature in Cross-cultural and Intermedial Perspectives* at HSE University — St. Petersburg
Research interests: *Soviet unofficial culture, art history, theory of translation, teaching English as a second language*

Kseniia Vasileva
kmvasileva@edu.hse.ru

Student of Master's programme *Russian Literature in Cross-cultural and Intermedial Perspectives* at HSE University — St. Petersburg
Research interests: *modern Russian literature, pedagogical design, theory of translation*

Sofia Zaitseva
sszaytseva_2@edu.hse.ru

Student of Master's programme *Russian Literature in Cross-cultural and Intermedial Perspectives* at HSE University — St. Petersburg
Research interests: *Soviet unofficial culture, history and sociology of literature, textual criticism*

Anastasia Kolchina
aekolchina@edu.hse.ru

Student of Master's programme *Russian Literature in Cross-cultural and Intermedial Perspectives* at HSE University — St. Petersburg
Research interests: *unofficial Soviet literature, samizdat, textual criticism*

English editor

Albina Krivoruchko
askrivoruchko@edu.hse.ru
Student of Master's programme *Russian Literature in Cross-cultural and Intermedial Perspectives* at HSE University — St. Petersburg
Research interests: *Germanistics, linguistic anthropology, anthropology of food, gender studies, female subjectivity*

Executive editor

Victoria Vlasova
vivlasova@edu.hse.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Своими
Словами

От организаторов конференции 15

От редакции шестого выпуска 16

Мария Аристова. Как говорит волк? Текст как пространство формирования субъектности 18–24

Дарья Болданова. Эволюция перформативности политических мемов в белорусском цифровом пространстве 2020–2025 годов 26–32

Амина Горлова. Крестьянская субъект(ка)? Проблема немоты народа в литературе середины XIX века 34–39

Елена Докучаева, Екатерина Нечаева. Субъект в русской танатографии: особенности репрезентации и самоидентификации (на материале книги Н.Кантонистовой «Все так умирают?») 41–46

Ольга Кукушкина. Значимость субъекта в русском жестовом языке: использование указательных жестов, когда референт присутствовал, но ушёл 48–53

Милена Пугина. Идентичность в совместном бытии: практики взаимодействия людей и городских голубей 55–60

Михаил Рыжков. Историк как субъект истории на примере восточногерманских исследователей фашизма 62–66

Виталий Рябоконь. Трансцендентальная субъективность и парадокс человеческой субъективности 68–73

Иван Сапогов. *Egeas corpus:* тело и техническая пересборка субъекта новоевропейского права 75–80

Екатерина Святохина. Проявление невидимого субъекта: как анонимный древнерусский автор помет в травнике Петро Андреа Маттиоли (1501-1577) обнаруживает себя сквозь текст 82–88

Полина Цветкова. *Mise en abyme* как граница субъектно-объектных отношений в нарративе: «Петровы в гриппе» К. Серебренникова 90–95

Андрей Швед. Современная российская патриотическая поэзия через призму trauma studies: телесность, темпоральность, механизмы символизации 97–103

Авторам 105–110

TABLE OF CONTENTS

In your own **Words**

From the organizers of the conference 15

From the Editorial Board of the Sixth Issue 16

Maria Aristova. How Does the Wolf Speak? Text as a Space for the Construction of Subjectivity 18–24

Daria Boldanova. The Evolution of the Performativity of Political Memes in the Belarusian Digital Space in 2020-2025 26–32

Amina Gorlova. Peasant Subject(ess)? The Problem of the People's Voicelessness in Mid-19th Century Russian Literature 34–39

Elena Dokuchaeva, Ekaterina Nechaeva. The Subject in Russian Thanatography: Features of Representation and Self-Identification (based on N. Kantonistova's book *Does Everyone Die Like This?*) 41–46

Olga Kukushkina. The Significance of the Subject in Russian Sign Language: Using Pointing Gestures When the Referent Was Present but Left 48–53

Milena Pugina. Identity in Coexistence: Practices of Interaction Between Humans and Urban Pigeons 55–60

Mikhail Ryzhkov. Historian as a Subject of History Illustrated by the Example of East-German Fascism Researchers 62–66

Vitaly Ryabokon. Transcendental Subjectivity and The Paradox of Human Subjectivity 68–73

Ivan Sapogov. *Egeas corpus:* Body and Technological Reassembling of Modern Legal Subject 75–80

Ekaterina Svyatokhina. The Detection of the Invisible Author: How the Anonymous Writer of Marginalia in the Herbal Book of *Mattioli, Pietro Andrea* (1501-1577) Reveals Himself Through the Text 82–88

Polina Tsvetkova. *Mise en Abyme* as the Boundary of Subject-Object Relations in Narrative: *Petrov's Flu* by K. Serebrennikov 90–95

Andrey Shved. Modern Russian Patriotic Poetry through the Prism of *Trauma Studies*: Physicality, Temporality, Mechanisms of Symbolization 97–103

For Authors 105–110

ОТ ОРГАНИЗАТОРОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Конференция «Междисциплинарный (бес)порядок/(dis)order: пересобирая гуманитарный субъект», проходившая 17–18 марта 2025 года в НИУ ВШЭ (СПб.), стала не просто очередным событием в академическом календаре, но пространством встречи, спора и (со)творчества. На протяжении двух дней представители разных гуманитарных направлений — от истории и философии до филологии, антропологии и искусствоведения — искали новые способы говорить о субъекте, его границах и агентности, а также о тех формах, в которых субъект становится видимым, исчезает или (пере)собирается.

В ходе обсуждений стало очевидно, что «беспорядок» междисциплинарного мышления — не угроза и не дисфункция, а условие продуктивности гуманитарного знания. Именно в точках пересечения, на зыбких границах дисциплин рождаются новые понятия и подходы, позволяющие иначе взглянуть на привычные исследовательские категории. Участники конференции продемонстрировали, что субъект не может быть сведен к единственной дефиниции: он множественен, фрагментарен, подвижен, — и в этом заключается его сила.

Дискуссия о (бес)порядке обернулась разговором о взаимной ответственности исследователя и описываемого им мира, о субъекте как акторе не только знания, но и этического и интеллектуального выбора. Внимание к «маргинальным» субъектам, к незаметным и неочевидным формам присутствия человека (и не только человека) в истории и культуре позволило расширить горизонты понимания гуманитарного исследовательского опыта.

Конференция завершилась, оставив после себя новые, существенные вопросы, — и именно в этом мы видим ее главный итог. Неоконченные дискуссии превращают исследовательское поле в бесконечно пульсирующее, живое пространство, в котором сохраняются динамика движения, свобода мысли и возможность дальнейшей трансформации. Мы благодарим всех участников (и всех прочих субъектов нашей конференции) за интеллектуальное мужество, за готовность увидеть в (бес)порядке созидательную перспективу и превращать его в пространство нового смысла.

С надеждой на продолжение беспорядочного диалога,

Историки, филологи и антропологи
НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге

ОТ РЕДАКЦИИ ШЕСТОГО ВЫПУСКА

Публикация этого спецвыпуска знаменует собой сразу несколько важных для нас событий. Мы рады сообщить о том, что журнал «Своими словами» возобновляет работу после длительного перерыва. Перезапуску проекта сопутствовало обновление состава редакции, в которую теперь входят как магистранты, так и бакалавры филологических программ и программы «Дизайн» НИУ ВШЭ (СПб). Этот спецвыпуск — наша первая совместная работа. В нем мы публикуем тезисы докладов молодых исследователей, прозвучавших на конференции «Междисциплинарный (бес)порядок/(dis)order: пересобирая гуманитарный субъект».

Редакторские правки тезисов минимальны — приоритетной задачей для нас было сохранение оригинального содержания докладов, представленных на конференции.

От лица редакции журнала «Своими словами» мы бы хотели выразить надежду на дальнейшее плодотворное сотрудничество с авторами и поддержку наших читателей. Кроме того, мы благодарим кандидата исторических наук, доцента департамента истории, Маргариту Михайловну Дадыкину, за поддержку и помощь в возобновлении работы журнала.

№ 6 | осень 2025

КАК ГОВОРИТ ВОЛК? ТЕКСТ КАК ПРОСТРАНСТВО ФОРМИРОВАНИЯ СУБЪЕКТНОСТИ

Мария Аристова

УДК: 81 + 82.09 + 821.111

Ключевые слова:
Белый Клык, субъектность, точка зрения, герой-животное, перевод, перцептивизация, антропоморфизация, нарратология

Аннотация

Доклад посвящен исследованию того, как в литературном тексте формируется субъектность животного: как распределяются «голоса» автора, переводчика и читателя, создавая перспективу героя-животного. Материал — повесть Джека Лондона «Белый Клык» и ее русские переводы (Н.А. Волжиной, 1936; Н.С. Кауфмана, 2008). В центре внимания — языковые средства, актуализирующие нечеловеческую точку зрения: перцептивизация, фрагментарное видение, локализация, соматизация эмоций, репрезентация инстинкта как агента, синтаксические стратегии отчуждения. Сопоставление оригинала и переводов показывает изменение степени антропоморфизации и распределения агентности. Текст становится пространством, где субъектность волка конструируется на стыке авторской интенции, переводческой стратегии и читательской интерпретации.

How Does the Wolf Speak? Text as a Space for the Construction of Subjectivity

Maria Aristova

Keywords:
White Fang, subjectivity, point of view, animal protagonist, translation, perceptualization, anthropomorphism, narratology

Abstract

The paper explores how animal subjectivity is constructed in literary text: how the voices of author, translator and reader intersect to form the perspective of an animal protagonist. The material is Jack London's *White Fang* and its Russian translations (N. Volzhina, 1936; N. Kaufman, 2008). The focus is on linguistic means that render a non-human viewpoint: perceptualization, fragmentary vision, spatial localization, somatization of emotions, representation of instinct as agent, and syntactic estrangement. Comparison of the original and translations shows shifts in the degree of anthropomorphization and in the distribution of agency. The text becomes a space where the wolf's subjectivity emerges at the crossroads of authorial intention, translational strategy and readerly interpretation.

Доклад посвящен тому, как в литературном тексте формируется субъектность героя-животного и какие языковые стратегии за этим стоят. Материалом служит повесть Дж. Лондона «White Fang» (1906) и два русских перевода — Н.А. Волжиной (1936) и Н.С. Кауфмана (2008). Переход между языками и эпохами позволяет наблюдать, как по-разному настраивается перспектива, степень антропоморфизации и как распределяются источники действия в сцене — между волком, людьми и средой. Образ волка, словно цепочка ДНК, видоизменяется в руках интерпретаторов, в разных языковых системах и культурах. Каждая «мутация» меняет не просто стилистическую оболочку, но и глубинную природу героя-животного, влияя на то, насколько «волчим» или, напротив, «человеческим» он предстает в глазах читателя. Выделим слои субъектности Белого Клыка:

Во-первых, реальный волк, чье сознание неподвластно нам. Согласно Т. Нейджелу, человек может вообразить опыт летучей мыши, но принципиально не может знать, каково это — быть летучей мышью на самом деле [Nagel 1974: 435–436]. Но тем не менее, волк включен в межсемиотические процессы — люди формируют культурные представления о волке, задающие «фоновые» ожидания. Наивное знание и научные сведения (развитое обоняние, поведенческая реактивность, инстинкт) вписываются в образ и структурируют горизонт читательского ожидания.

Во-вторых, автор, выступающий медиатором. Дж. Лондон осуществляет межсемиотический перевод животного опыта в человеческий код, удерживая баланс эмпатии и правдоподобия. Хрестоматийная формула Л. Витгенштейна — «Если бы лев мог говорить, мы бы его не поняли» — напоминает о границах такого переноса [Wittgenstein 1958: 223]. Автору необходимо накладывать человеческую концептуальную сетку на «голос» животного и искать баланс между волчьим и человеческим. Кроме того, образ Белого Клыка конструируется и идеологически: роман создается в контексте популярности дарвинизма и дискуссий вокруг ницшеанских мотивов в американской культуре начала XX века.

В-третьих, переводчик — соавтор образа. При переносе на русский язык и в разные исторические контексты меняются степень антропоморфизации, дистанция к герою, способы кодирования агентивности. Так, например, английский пассив, русские неопределенно-личные и безличные формулы по-разному «прячут» источник действия, варьируя ощущение одиночества героя и «враждебности» мира.

Наконец, читатель завершает конструкцию: его (не)готовность принимать нечеловеческую перспективу и интерпретативные ожи-

дания «закрывают» контур субъектности. В этом смысле «Белый Клык» — пространство, где субъект возникает на пересечении референциального, авторского, переводческого и читательского планов.

Какие языковые приемы актуализируют «волчий» взгляд:

Перцептивизация. Последовательно активизируются сенсорные каналы героя (обоняние, слух, тактильность). Это переводит восприятие в режим «здесь-и-сейчас» тела и сближает читателя с опытом животного. А.В. Уржа указывает, что данный прием «акцентирует присутствие наблюдателя в тексте» [Уржа 2014: 57].

Фрагментарность видения. Сцена собирается метонимически — через части и движения («язык», «лапа», «рука»). Такой «зернистый» монтаж удерживает внимание на операционально значимых деталях и снижает антропоморфизацию.

Локализация. Пространство дано «снизу» и «накатом» среды на героя: субъектом действия нередко становится мир, а не человек. Это сдвигает распределение источников воздействия в пользу внешних сил и поддерживает образ животного как находящегося внутри давящей среды. Так, когда волчонок впервые падает с наклонной поверхности, земля «ударяет» щенка. В оригинале и в переводе Волжиной «земля» находится в позиции агенса, что приближает нас к точке зрения волчонка, который впервые сталкивается с гравитацией. В переводе Кауфмана эта деталь теряется.

Jack London «White Fang» (1906)	Н.А. Волжина «Белый Клык» (1936)	Н.С. Кауфман «Белый клык» (2008)
The earth struck him a harsh blow on the nose <…>.	**Земля** больно стукнула его по **носу**, <…>.	**Он больно ударился носом о землю** <…>.

Инстинкт как агент. Инстинкт способен взять власть над героем и воздействовать на него как отдельное существо. Так, инстинкт «заставляет» его рычать, порыв ярости «бросает» героя в схватку. Внутренняя точка зрения временно отключается.

Соматизация эмоций. Чувства переводятся в телесные параметры («пустота заполняется», «удовлетворяется потребность»), что позволяет избежать психологизирующих клише и удержать «животную» телесность аффекта.

Синтаксис отчуждения. Типы залога и безличные конструкции непосредственно влияют на распределение субъектных ролей. В одной из знаковых сцен английский пассив («was thrust») в переводе переда-

ется неопределенно-личной конструкцией, что усиливает впечатление мира-«не-я», действующего на героя, и подчеркивает его одиночество.

Jack London «White Fang» (1906)	Н.А. Волжина «Белый Клык» (1936)	Н.С. Кауфман «Белый клык» (2008)
Then a huge **dog was thrust** inside, and the door was slammed shut behind him.	И вдруг **к нему втолкнули** большую собаку. Дверь тотчас же захлопнулась.	… и в конуру **вошла** огромная **собака**, после чего дверь снова закрылась.

Что показывает сопоставление:

Сопоставление оригинала и переводов обнаруживает два устойчивых эффекта. Во-первых, меняется степень антропоморфизации: в одних местах перевод усиливает телесное и сенсорное (снижая «голос» рассудка), в других — добавляет объяснительную связку, «очеловечивая» переживание. Во-вторых, меняется распределение источников действия: повествовательные решения по-разному расставляют роли между волком, людьми и средой. Эти сдвиги работают совместно: даже небольшая грамматическая перестройка способна заметно переориентировать читателя — от внутренней к внешней точке зрения или обратно.

Выводы:

Субъектность волка в «Белом Клыке» — не «прозрачный доступ» к животному опыту, а продукт распределенной работы текста: от культурных моделей и авторской медиативной оптики до переводческих стратегий и читательской реконструкции. «Волчий» эффект создается связкой приемов — перцептивизацией, фрагментарностью, локализацией, соматизацией эмоций, репрезентацией инстинкта и синтаксисом отчуждения; в переводе эта связка перенастраивается, смещая баланс между «животным» и «человеческим» и заново распределяя источники действия. Тем самым текст действительно выступает пространством формирования субъектности: здесь «волк» — особый субъект, возникающий на стыке интерпретаций, культур и языков.

Благодарности

Искренне благодарю свою научную руководительницу А.В. Уржу за содержательные обсуждения, помощь в формулировке основных идей и поддержку.

Список источников

1. [Лондон 2007] — *Лондон Дж.* Белый Клык. М.: Самовар, 2007.
2. [Лондон 2007] — *Лондон Дж.* Белый Клык. М.: Бертельсманн, 2010.
3. [London 2015] — *London J.* White Fang. СПб.: Каро, Classical literature, 2015.

Список литературы

1. [Арутюнова 1998] — *Арутюнова Н.Д.* Типы модусов. Инверсия модуса и пропозиции // Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1998. С. 411–440.
2. [Галь 1972] — *Галь Н.* Слово живое и мёртвое. М.: Книга, 1972.
3. [Золотова 1995] — *Золотова Г.А.* Труды В.В. Виноградова и проблемы текста // Вестник МГУ. Филология. 1995. № 4. С. 84–98.
4. [Уржа 2009] — *Уржа А.В.* Русский переводной художественный текст с позиций коммуникативной грамматики. М.: Спутник+, 2009.
5. [Уржа 2014] — *Уржа А.В.* Перцептивизация как элемент переводческой тактики // Гуманитарный вектор. 2014. № 4 (40). С. 57–62.
6. [Успенский 2000] — *Успенский Б.А.* Поэтика композиции. СПб.: Азбука, 2000.
7. [Шмид 2003] — *Шмид В.* Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003.
8. [Jakobson 1959] — *Jakobson R.* On Linguistic Aspects of Translation (1959)
9. [Kohn 2013] — *Kohn E.* How Forests Think: Toward an Anthropology Beyond the Human. Berkeley: University of California Press, 2013.
10. [Lubbock 1957] — *Lubbock P.* The Craft of Fiction. London: Jonathan Cape, New ed., 1957

11. [Lakoff, Johnson 1980] — *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
12. [Nagel 1974] — *Nagel T.* What Is It Like to Be a Bat? The Philosophical Review 83(4), 1974.
13. [Wittgenstein 1958] — *Wittgenstein L.* Philosophical Investigations. Anscombe, 2nd ed., 1958.

Аристова Мария Антоновна
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Филологический факультет,
магистерская программа «Современный русский язык: системные, когнитивные и прикладные аспекты»
aristovamariia11@gmail.com

Maria A. Aristova
Lomonosov Moscow State University
Faculty of Philology,
MA in programme *Modern Russian language: systemic, cognitive and applied aspects*
aristovamariia11@gmail.com

№ 6 | осень 2025

ЭВОЛЮЦИЯ ПЕРФОРМАТИВНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ МЕМОВ В БЕЛОРУССКОМ ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ 2020–2025 ГОДОВ

Дарья Болданова

УДК: 321.01+323.22+323.23+323.25

Ключевые слова:
перформативность,
политические мемы,
протесты, Лукашенко,
Беларусь

Аннотация

В работе рассматривается трансформация перформативности политических мемов с Лукашенко в период с 2020 по 2025 год. Опираясь на интерпретативную парадигму и теоретические подходы Джудит Батлер, Антонио Грамши и Чарльза Тилли, исследование концептуализирует мемы как форму политического высказывания и элемент цифрового дискурса, в котором юмор выступает одновременно инструментом мобилизации и нормализации власти. В методологическом плане работа основана на критическом дискурс-анализе. Эмпирическую базу составляют мемы из «TikTok», а также комментарии пользователей. Анализ выявил сдвиг от мобилизующих дискурсов 2020-го года к нормализующим в 2025-м году, что показывает, как юмор, воплощенный в мемах, способствует воспроизводству гегемонии в пост-протестной Беларуси.

The Evolution of the Performativity of Political Memes in the Belarusian Digital Space in 2020-2025

Daria Boldanova

Keywords:
performativity, political memes, protests, Lukashenko, Belarus

Abstract

This paper examines the transformation of the performative functions of political memes about Alexander Lukashenko between 2020 and 2025. Grounded in the interpretivist paradigm and drawing on the theoretical frameworks of Judith Butler, Antonio Gramsci, and Charles Tilly, the study conceptualizes memes as forms of political expression and elements of digital discourse in which humor operates as both mobilizing and normalizing force. The research employs critical discourse analysis, with a corpus of memes from a social media platform and user comments serving as empirical material, revealing a shift from mobilizing discourses in 2020 to normalizing ones in 2025, showing how meme-based humor contributes to the reproduction of hegemony in post-protest Belarus.

Введение

В академических дискуссиях о политических мемах часто подчеркивается, что они служат инструментом цифрового сопротивления [Shifman 2014, с. 200][Moreno-Almeida 1990, с. 1549]. Протесты в Беларуси после выборов 2020-го года подтверждают эту теорию: мемы с Лукашенко стали важным элементом протестной мобилизации и помогли сформировать коллективную политическую субъектность. Однако в 2025-м году мемы с этим же персонажем уже не выполняли ту же перформативную функцию. Напротив, они начали работать на нормализацию его правления. Это подводит к исследовательскому вопросу: *как трансформировались перформативные функции политических мемов о Лукашенко между 2020-м и 2025-м годами?*

Теоретическая рамка

Политический интернет-мем — это изменчивое цифровое высказывание, быстро распространяющееся в сети, подчеркивающее противоречия и лицемерие политиков, превращая смех в форму политического суждения [Milner 2016, с. 2-32]. Мемы выступают как перформативные акты, в которых образуются и циркулируют представления о власти, сопротивлении и нормальности [Butler 1997].

Со временем некоторые практики цифрового участия (создание, лайкинг, репостинг и комментирование определенных политических мемов) становятся привычными и социально одобряемыми, задавая рамки того, как допустимо высказываться и к чему можно присоединяться [Gramsci 1971]. Это позволяет людям проще формировать политическую субъектность, ведь они узнают «принятые» способы быть вовлеченными в политическую коммуникацию [Butler 1997]. Но та же нормализация может обесценивать критический потенциал: визуальные и текстовые практики, включая мемы, нередко воспроизводят существующий консенсус, превращая иронию и смех в формы пассивного участия. В этом смысле цифровые формы самовыражения становятся частью двойной динамики гегемонии, одновременно входя в репертуар тактик противостояния и стратегий подавления [Moreno-Almeida 1990].

Методология

Корпус эмпирического материала был собран с платформы “TikTok” и охватывает четыре дискурсивных периода:

1. Предвыборная фаза (8 мая – 9 августа 2020)
2. Фаза протестов (9 августа 2020 – январь 2021)
3. Фаза постепенной деполитизации (2021–октябрь 2024)
4. Фаза выборов 2025 (октябрь 2024 – начало февраля 2025)

Отбор проводился по следующим критериям:

- Явные или скрытые отсылки к Александру Лукашенко, государственным символам или ключевым политическим событиям;
- Наличие иронии, пародии или сатиры, выражающих отношение к власти;
- Свидетельства ремиксов, репостов или активного комментирования;
- Способность мема воплощать характерную форму политического выражения;

Анализ проводился в рамках критического дискурсивного анализа и охватывал три взаимосвязанных уровня [van Dijk 1998]:

1. Микроуровень — анализ текстуальных, визуальных и аудиальных характеристик мемов.
2. Мезоуровень — изучение взаимодействия аудитории с мемами через комментарии.
3. Макроуровень — интерпретация выявленных дискурсивных паттернов в контексте более широких социально-политических трансформаций в Беларуси.

Анализ

1. Предвыборная фаза

8 мая 2020 года Палата представителей назначила президентские выборы на 9 августа[1]. Результаты опросов показали крайне низкий уровень поддержки действующего президента, что отражало заметный рост общественного недоверия и ожиданий перемен[2]. Давление на оппозицию и независимые СМИ выросло[3].

В этот период в сети распространялись разные мемы с Лукашенко, но наиболее показателен ролик-нарезка выступлений Лукашенко с наложенной сгенерированной песней его «голосом»[4]. Основным мотивом является фраза «*Саня, останется с нами*», повторяющаяся по кругу. Лексема «*останется*» выражает навязчивую идею стабильности, а ее бесконечное повторение превращает высказывание в абсурд.

В комментариях не все распознали сатирический характер ролика: большинство выражало одобрение и поддержку Лукашенко, хотя встречались и оппозиционные отклики. На этом этапе высмеивание власти еще не стало устойчивой цифровой практикой, а выражение политической позиции оставалось осторожным

1. ЦИК Беларуси обнародовал календарный план президентских выборов. BELTA. 08 мая 2020, 16:08.
2. «Саша 3%». Лукашенко реагирует на мем о своем рейтинге и утверждает, что у него больше. Настоящее Время. 24 июня 2020, 16:42 (мск).
3. Массовые задержания в ходе мирных собраний в Беларуси нарушили права протестующих и спровоцировали насилие — Amnesty International. Eurasia.amnesty.org. 15 июля 2020.
4. Подборка интернет-мемов о президентских выборах в Беларуси. Составлено автором. Google Sheets. URL: link (мем 1)

из-за доминирующего провластного дискурса. Тем не менее, мемы уже начинали выполнять объединяющую функцию, формируя вокруг себя разные сообщества и системы смыслов, подготавливая язык протеста.

2. Фаза протестов

Протесты начались в ночь после объявления итогов выборов. Массовые выступления сопровождались силовым подавлением. Период породил новые вирусные мемы: *«Спасибо, я сказал все, можете кричать “уходи”»*[5], *«Портфель под мышку и уйду»*[6], *«Пока вы меня не убьете»*[7]. Эти фразы быстро вышли за пределы официального дискурса, обретая жизнь в бытовых и школьных аналогиях. Повторяемость фраз создала контрперформативный эффект. Их постоянное цитирование превращало официальную риторику в пустую форму, а власть теряла символическую легитимность, когда ее слова становятся интернет-мемами. Лайки, комментарии и репосты выполняли роль коллективного подтверждения протестного нарратива, превращая цифровое взаимодействие в форму участия. Так складывался онлайн-протест как устойчивая практика политического выражения, в которой пользователи конструировали собственную субъектность.

Однако эта цифровая субъектность существовала в условиях жестко заданного политического языка. Фраза *«Пока вы меня не убьете»* сконструировала ситуацию, где уход Лукашенко возможен лишь только через насилие, тем самым лишая протест ненасильственного выхода. Возникла перформативная ловушка, в которой язык власти обещал изменения, но делал их невозможными. Режим монополизировал сценарии будущего, исключив протест из поля эффективности. В итоге протест сохранил моральную правоту, но потерял агентность. Когда протестный язык исчерпал свой контрперформативный потенциал, ирония перестала быть средством подрыва власти и стала способом ее репрезентации.

3. Фаза иронической стабилизации

Так возник переход к фазе иронической стабилизации. После спада протестной активности мемы сохранили роль символического канала коммуникации, но постепенно утратили мобилизационный потенциал. Режим непреднамеренно подпитывал мемную культуру. Фразы вроде *«А я сейчас вам покажу, откуда на Беларусь готовилось нападение»* быстро становились вирусными и распространялись уже вне

5. Подборка интернет-мемов о президентских выборах в Беларуси. Составлено автором. Google Sheets. URL: link (мем 4-6)
6. Там же. М. 2-3
7. Там же. М. 3

контекста критики, превращаясь в культурные клише. Постепенно мемы начали функционировать не только против, но и внутри дискурса власти, воспроизводя ее язык через иронию.

Активизировался прогосударственный видеоконтент. Фраза *«Пока вы меня не убьете»* начала теперь восприниматься как демонстрация силы в одном видеоролике[8]. В комментариях под ним преобладали поддерживающие позиции, а критические и ироничные реплики появлялись точечно, но получали заметные лайки, хоть и не перерастали в доминирующий дискурс.

4. Фаза выборов 2025

Критика, застрявшая внутри допустимых рамок, постепенно закрепилась как форма цифрового участия. К началу президентских выборов 2025 года это стало особенно заметно. Так в одном оппозиционном сгенерированном видео Лукашенко говорит о судьбе тех, кто голосует против него[9].

Видео вызвало активную реакцию в комментариях. Встречались поддерживающие власть реплики, критические комментарии и негативные в адрес автора ролика. Почти все они набирали не более нескольких лайков. На этом фоне ироничный комментарий «Саня пюрешка 3%» собрал 775 лайков, превратившись в микромем и форму коллективного высказывания.

Большинство пользователей избегают открытых политических заявлений, выбирая косвенное участие. В условиях дефицита безопасных форм публичного высказывания этот минимальный акт становится способом сохранять коллективную память о протестах 2020 года и выражать молчаливое недоверие власти.

Выводы

Между 2020 и 2025 годами политические мемы о Лукашенко прошли путь от инструмента мобилизации к механизму нормализации власти. Если в 2020 году мемная ирония имела контрперформативный эффект, разрушая официальные нарративы и создавая пространство коллективного сопротивления, то к 2025 она утратила этот потенциал. Ирония, изначально служившая формой критического высказывания, превратилась в безопасный, минимальный, но социально одобряемый способ участия. Повторение одних и тех же мотивов больше не подрывает гегемонию, а закрепляет консенсус, где смех становится способом жить с властью, а не противостоять ей.

8. Подборка интернет-мемов о президентских выборах в Беларуси. Составлено автором. Google Sheets. URL: link (мем 7)
9. Там же. М. 8

Список литературы

1. [Butler 1997] — *Butler J.* Excitable Speech: A Politics of the Performative. New York: Routledge, 1997.
2. [Gramsci 1971] — *Gramsci* A. Selections from the Prison Notebooks. Edited and translated by Quintin Hoare and Geoffrey Nowell Smith. New York: International Publishers, 1971 [1929].
3. [Shifman 2014] — *Shifman L.* Memes in Digital Culture // Мемы в цифровой культуре. Cambridge, MA: MIT Press, 2014. (MIT Press Essential Knowledge Series).
4. [Milner 2016] — *Milner R.M.* The World Made Meme: Public Conversations and Participatory Media. Cambridge, MA: MIT Press, 2016.
5. [Moreno-Almeida 2020] — *Moreno-Almeida C.* Memes as snapshots of participation: The role of digital amateur activists in authoritarian regimes // New Media & Society. 2020. Vol. 23, no. 6.
6. [Tilly 1990] — *Tilly C.* Coercion, Capital, and European States, AD 990–1990. Oxford: Blackwell, 1990.
7. [van Dijk 1998] — *van Dijk T.A.* Ideology: A Multidisciplinary Approach. London: Sage, 1998.

Болданова Дарья Булатовна
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Санкт-Петербургская школа социальных наук,
бакалаврская программа «Политология и мировая политика»
dariaboldanova@gmail.com

Daria B. Boldanova
National Research University *Higher School of Economics*
Saint-Petersburg school of social sciences,
BA programme in *Political Science and World Politics*
dariaboldanova@gmail.com

№ 6 | осень 2025

КРЕСТЬЯНСКАЯ СУБЪЕКТ(КА)? ПРОБЛЕМА НЕМОТЫ НАРОДА В ЛИТЕРАТУРЕ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

Амина Горлова

УДК: 821.161.1+82-3+316.344.7+305-055.2

Ключевые слова:
русская литература XIX века,
женская субъектность,
крестьянская немота,
кликушество, subaltern studies

Аннотация

В статье рассматривается проблема женской крестьянской субъектности в русской литературе 1840–1850-х гг. Опираясь на концепцию Г. Спивак об эпистемологическом насилии при попытках «дать голос» угнетенным, автор анализирует критические отзывы на героинь из простонародья в повести Д.В. Григоровича «Деревня» и рассказе А.Ф. Писемского «Леший. Рассказ исправника». Критики называли образы Акулины и Марфы «неправдоподобными» и литературной выдумкой. Таким образом, вопрос о «правдоподобии» крестьянских героинь обернулся проблемой репрезентации их как субъектов в тексте. В условиях отсутствия нормативной речи крестьянки обретали искаженные формы присутствия: молчание, судорожные рыдания и кликушество (одержимость) становились единственными способами заявить о себе. Статья раскрывает парадокс обретения субъектности через патологию в контексте двойного угнетения.

Peasant Subject(ess)? The Problem of the People's Voicelessness in Mid-19th Century Russian Literature

Amina Gorlova

Keywords:
19th-century Russian literature, female subjectivity, peasant voicelessness, klikushestvo (possession), subaltern studies

Abstract

This article examines the problem of female peasant subjectivity in Russian literature of the 1840s–1850s. Drawing on Gayatri Spivak's concept of epistemic violence inherent in attempts to "give voice" to the subaltern, the author analyzes critical reception of female peasant characters in D.V. Grigorovich's *The Village* and A.F. Pisemsky's *The Leshy*. Critics dismissed the portrayals of Akulina and Marfa as "implausible" literary inventions. The study demonstrates how – in the absence of normative speech – peasant women acquired distorted forms of presence: silence, convulsive sobbing, and klikushestvo (possession) became their only means of self-assertion. The article reveals the paradox of acquiring subjectivity through pathology within the context of double oppression.

Образ молчащего крестьянства стал одним из самых противоречивых явлений русской литературы середины XIX века, вызвав острую полемику о том, возможно ли правдоподобно изобразить героев из простонародья. Самым знаменитым произведением с «немым» типом стал рассказ И.С. Тургенева «Муму» [Тургенев 1854], напечатанный в журнале «Современник» во время «мрачного семилетия». История не только обличала помещичье самодурство, но и поднимала проблему крестьянина как действующего лица истории. И.С. Аксаков в письме Тургеневу в 1852 году с воодушевлением отозвался на образ глухонемого дворника Герасима, увидев в нем «олицетворение русского народа, его страшной силы и непостижимой кротости, его удаления к себе и в себя, его молчания на все запросы, его нравственных, честных побуждений» [Аксаков 1894: 475].

Вопрос о репрезентации безгласного народа, однако, оказывается более сложным, чем кажется на первый взгляд. Как показала Гаятри Спивак в своей работе «Могут ли угнетенные говорить?», попытки интеллектуалов из господствующей культуры «дать голос» subaltern (угнетенным) неизбежно сталкиваются с проблемой эпистемологического насилия — навязывания категорий доминирующего дискурса тем, чей опыт находится за его пределами [Spivak 1988]. Особенно проблематична ситуация женщин из угнетенных групп. Эта проблема обнажилась и в русской литературе середины XIX века.

Еще до рассказа Тургенева попытка создать образ женского немого субъекта из простонародья столкнулась с резкой критикой. В 1846 году журнале «Отечественные записки» была напечатана повесть Д.В. Григоровича «Деревня» [Григорович 1846: 177–229] о крестьянке Акулине, чья судьба сложилась трагически: она рано осиротела, терпела побои в семье после замужества и умерла в молодом возрасте. Несмотря на то, что Григорович открыл новый этап психологической прозы о крестьянах [Вдовин 2024: 183], современники не приняли героиню. Ю.Ф. Самарин назвал Акулину лицом «неправдоподобным, просто невозможным» [Вдовин 2024: 79], а В.Г. Белинский счел попытку проникнуть в ее переживания неудачной, описав героиню как «лицо довольно бесцветное и неопределенное» [Белинский 1948: 676].

Продолжая эту линию критики, наиболее острые слова высказал П.В. Анненков. Литературный критик увидел в образе Акулины исключительно социальную повестку — изображение страданий бедной сироты и молодой женщины, наделенной «сильным чувством и поэтической душою», страдающей от деспотизма мужа и его семейства [Критика 1860: 9]. Анненков вынес суровый вердикт: подобный сюжет «не годится для драмы», оптика Григоровича — «взгляд

ласкового барича», а обилие насилия должно смягчаться. Критик настаивал: художник обязан смягчать мрачные стороны жизни «теплотой своего участия, благодатью любви, все восполняющей» [Там же: 10].

Мелодраматизм и мотив страдания составляют художественную основу повести. Как отмечает Р. Стайтс, пафос произведений эпохи крепостного права возникал из зла, причиненного тем, кто и так страдает [Stites 2002: 26]. Григорович, подобно Тургеневу в «Муму», делает акцент на подавлении угнетенных. Если Герасим конструируется через крепостную зависимость и немоту, то образ Акулины — через сиротство, насилие и смерть. Молчание становится ответом Акулины на происходящее, а ее эмоции — способом выражения субъектности.

Еще одну попытку артикулировать бессловесность крестьянки предпринял А.Ф. Писемский в рассказе «Леший. Рассказ исправника» (1853) [Писемский 1856: 58-132]. В основе сюжета лежит история расследования четырехмесячного отсутствия крестьянки Марфы, которая по возвращении объясняла случившееся похищением лешим. В ходе следствия выяснилось, что девушку соблазнил и насильно удерживал бурмистр Егор Парменыч. Движимая любовным чувством, она отдалась ему добровольно, но оказалась в неволе и подверглась насилию.

Этот рассказ стал частью дискуссии о правдоподобном изображении героя из народа. Так, критикуя «Лешего», Анненков утверждал, что характер Марфы неправдоподобен и основан на литературной традиции, выработанной на дворянском опыте [Анненков 1854: URL]. В очерке «По поводу романов и рассказов из простонародного быта» [Анненков 1854: URL] он также указал на то, что Писемский подвергает читателя «литературному обману» и лишает крестьянку собственной истории.

Внимательный читатель заметит, что в образе Марфуши действительно обнаруживаются аристократические черты. Писемский пишет о ней как о молодой крестьянке двадцати лет, голубоглазой, белокожей, с нежными руками, «как у барыни» [Писемский 1856: 90–102]. Парадоксально, что при этом автор решает прибегнуть к изображению крестьянки кликушей (одержимой). Явление кликушества проблематично назвать угождающим литературному канону, выработанному на дворянском опыте — припадки одержимых крестьянок сопровождались криками, громким плачем, судорогами, животным воем [Прыжов 1868: 669].

Однако именно это «неканоническое» описание кликушества (типичного для крестьянского быта), может быть объяснено

как попытка своеобразной артикуляции эмоций. Пережившая насилие крестьянка впала в шок, перестала принимать пищу и замолчала. Кликушеские припадки, схожие с истерическими, стали для нее доступным выражением чувств. Она не могла говорить о пережитом унижении, и кликушество стало для нее формой обретения видимости в контексте социальной несвободы [Горлова 2025: 58].

Критические отзывы на образы Акулины и Марфы свидетельствуют о маргинализации женских простонародных образов в литературе середины XIX века. Так, Анненков, называя крестьянку литературной выдумкой, сохраняет монополию дворянской культуры на. Вопрос о женской крестьянской субъектности остается проблематичным: артикуляция крестьянского опыта оказывалась опосредована дворянским взглядом и литературными конвенциями эпохи. Однако кликушество в «Лешем» демонстрирует парадоксальную возможность обретения субъектности через патологию — в контексте лишения голоса одержимость становилась способом заявить о себе. Если Акулина могла ответить на угнетение лишь молчанием и смертью — полным исчезновением субъекта, то Марфа через кликушество обрела искаженную форму присутствия.

Список источников

1. [Аксаков 1894] — *Аксаков И.С.* Письмо И. С. Тургеневу 4 (16) октября 1852 года // Русское обозрение. 1894. №8. С. 475–478.
2. [Анненков 1854] — *Анненков П.В.* По поводу романов и рассказов из простонародного быта // Современник. 1854. №3. С. 1–22. [Электронный ресурс]. URL: link (дата обращения: 02.10.2025).
3. [Белинский 1948] — *Белинский В.Г.* Взгляд на русскую литературу 1846 года // Белинский В. Г. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 3. М.: Гослитиздат, 1948. С. 641–683.
4. [Григорович 1846] — *Григорович Д.В.* Деревня // Отечественные записки. 1846. Т. 49. С. 177–229.
5. [Критика 1860] — Критика // Русское слово. 1860. № 3. С. 1–60.
6. [Писемский 1856] — *Писемский А.Ф.* Леший (Рассказ исправника) // Очерки из крестьянского быта. СПб.: Типография А. Дмитриева, 1856. С. 59–132.
7. [Прыжов 1868] — *Прыжов И.Г.* Русские кликуши // Вестник Европы, 1868. № 10. С. 641–672.
8. [Тургенев 1854] —*Тургенев И.С.* Муму // Современник. 1854. № 3. С. 9–36.

Список литературы

1. [Вдовин 2024] — *Вдовин А.В.* Загадка народа-сфинкса. Рассказы о крестьянах и их социокультурные функции в Российской империи до отмены крепостного права. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 560 с.
2. [Горлова 2025] — *Горлова А.Ю.* Дискурс о кликушестве и проблема крестьянской немоты в литературе о народе накануне отмены крепостного права // Актуальные вопросы перевода, лингвистики, истории литературы и фольклора: сборник статей XIII Международной научной конференции молодых ученых / под общей редакцией Л.А. Запеваловой, С.А. Ивановой, А.А. Лузгановой, М.В. Плотниковой, М.Б. Харченко, А.А. Ширшиковой; Уральский федеральный университет. Екатеринбург: Издательский дом «Ажур», 2025. С. 54–60.
3. [Spivak 1988] — *Spivak G.Ch.* Can the Subaltern Speak? // Marxism and the Interpretation of Culture / edited by Cary Nelson, Lawrence Grossberg. Urbana & Chicago: University of Illinois Press, 1988. P. 271–313.
4. [Stites 2002] — *Stites R.* The Misanthrope, the Orphan, and the Magpie: Imported Melodrama in the Twilight of Serfdom // Imitations of Life: Two centuries of Melodrama in Russia. Durham & London, 2002. P. 25–54.

Горлова Амина Юрьевна
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург
Департамент филологии,
магистерская программа «Русская литература в кросс-культурной и интермедиальной перспективах»
amina.gorlova@gmail.com

Amina Y. Gorlova
National Research University *Higher School of Economics*, St. Petersburg
Department of Philology,
MA programme in *Russian literature in cross-cultural and intermediate perspectives*
amina.gorlova@gmail.com

№ 6 | осень 2025

СУБЪЕКТ В РУССКОЙ ТАНАТОГРАФИИ: ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ И САМОИДЕНТИФИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ КНИГИ Н.КАНТОНИСТОВОЙ «ВСЕ ТАК УМИРАЮТ?»)

Елена Докучаева
Екатерина Нечаева

УДК: 82.0+ 82-1/-9+82-9

Ключевые слова:
танатография, субъект, способы репрезентации субъекта, специфика нарратива, теория жанра

Аннотация

Исследование посвящено анализу субъектной сферы текста, репрезентирующего опыт умирания реального человека. Показано, что в подобных текстах оформляется особый тип письма — танатографическое письмо. Доказано, что танатографический субъект выступает не только свидетелем, но и носителем опыта умирания; образ умершего субъективируется и преломляется сквозь призму сознания автора, при этом формируется сложная система взаимных отражений двух типов сознания. Показано, что для танатографического субъекта характерна особая логика селективности: события жизни оказываются детерминированными событием смерти и умирания. Доказано, что «Все так умирают?» Н. Кантонистовой имеет два уровня адресации. Рассмотрение текста Н. Кантонистовой как примера реализации танатографической культурной и нарративной практики позволяет уточнить представления о закономерностях становления танатологического нарратива и расширить понятийный аппарат танатологического литературоведения.

The Subject in Russian Thanatography: Features of Representation and Self-Identification (based on N. Kantonistova's book ***Does Everyone Die Like This?)***

Elena Dokuchaeva
Ekaterina Nechaeva

Keywords:
thanatography, subject,
modes of subject representation,
narrative specificity,
genre theory

Abstract

The study focuses on analyzing the subject sphere of a text that represents the experience of a real person's dying. It is shown that such texts shape a special type of writing – thanatographic writing. The thanatographic subject functions not only as a witness but also as a bearer of the experience of dying; the image of the deceased is subjectivized and refracted through the author's consciousness, forming a complex system of mutual reflections between two types of consciousness. The study demonstrates that the thanatographic subject is characterized by a specific logic of selectivity: life events are determined by the event of death and dying. It is proven that N. Kantanistova's *Does Everyone Die Like This?* operates on two levels of address. Examining Kantanistova's text as an example of thanatographic cultural and narrative practice refines the understanding of the formation patterns of the thanatological narrative and expands the conceptual framework of thanatological literary studies.

Как указывает Р.Л. Красильников, «в западной науке проблема смерти стала объектом междисциплинарных исследований в 1950-1970» [Красильников 2010: 138]; в свою очередь, начало XXI в. «знаменуется стремлением специфировать танатологическое знание в именно литературоведении» [Красильников 2010: 139]. Исследователи (Р.Л.Красильников, И.Н. Ломакина, П.Д. Гаврилова и др.) вводят в категориальный аппарат литературоведения такие понятия, как танатопоэтика, художественная танатология, танатография (Н.В. Проданик). Однако тексты, посвященные описанию смерти реально жившего человека (не героя фикционального текста), не становились объектом специального изучения, вопреки тому, что рассмотрение их в качестве отдельного жанра правомерно и исследовательски продуктивно. В рамках настоящего исследования под *танатографией* мы будем понимать специфический нарративный и дискурсивный модус репрезентации реальности, в котором конституируется, артикулируется и текстуально фиксируется процесс умирания конкретного, реально существовавшего человека, а также совокупность текстов, в которых такой модус реализован (Н. Кантонистова «Все так умирают?», В. Зорза «Путь к смерти. Жить до конца», Дж. Дидион «Год магического мышления» и др.). Правомерным следует считать и выделение особого танатографического субъекта, способов репрезентации и конструирования которого вызывают интерес для нашего исследования.

Материалом исследования послужила книга Натальи Кантонистовой «Все так умирают?» (2001). Этот текст — воспоминания автора о дочери, погибшей от лейкемии, опыт переживания ее смерти.

Авторское определение жанра — плач («плач по Женечке» [Кантонистова 2001]). Этот жанр восходит к традиции древнерусской литературы, где плач — это жанр обрядовой и бытовой народной поэзии; лирико-драматическая импровизация в стихах, в которой оплакивается смерть или несчастье близкого человека [Квятковский 1966: 214]. «Все так умирают?» наследует черты древнерусского жанра: как содержательные — оплакивание смерти близкого человека, так и структурно-стилистические — полисиндетон (многосоюзие) (*«Потому что знала ты грядущий мой вопрос, и знала всю эту слабость, и хотела облегчить мою участь <…> И потому я буду всегда твоей мамой, моя маленькая, потому что ты, Женечка, пребудешь всегда»* [Кантонистова 2001: 77]), анафоры (*«Мне счастье, мне горе — написать слово “мама” <…> Мне счастье, мне горе — произнести твое имя»* [Кантонистова 2001: 76]) и молитвенная интонация, обращения к Господу (*«Господи, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, не мучай меня, что же тебе все мало <…> Господи, подари мне смерть, не медли»*

[Кантонистова 2001: 76]). Тем не менее особенности рассматриваемого нами текста не ограничиваются характерными для древнерусского жанра проявлениями: «Все так умирают?» — не обрядовая и не бытовая народная поэзия, а ритуальное обрядовое причитание как действие не составляет основу сюжета. Исследуемый нами текст — это частное, документально-авторское переживание, имеющее индивидуализованную, письменно-рефлексивную форму.

Несмотря на родство с плачем, мемуарами и эпитафией, танатография отличается особенностями авторской интенции, субъектной сферы и спецификой нарратива и может быть выделена в отдельный жанр, для которого пока не существует теоретической рамки и концептуализации.

Интенция автора танатографии принципиально отличается от интенции автора собственно художественного произведения. Если авторская интенция фикционального текста преимущественно предполагает создание, моделирование художественного мира и героя как части этого мира (в данном случае *интенциональность произведения* мы понимаем в духе В. Шмида), то во «Все так умирают?» задача автора — создать памятник реально жившему человеку. Так, танатография представляет собой текст-памятник, позволяющий при этом установить и удержать контакт между живым и ушедшим человеком: *«Это — памятник моей родной Женечке, погибшей от лейкемии в 27 лет»* [Кантонистова 2001].

«Все так умирают?» имеет два уровня адресации: читатели и умерший человек, которому посвящен текст. В этом, кроме прочего, мы видим функцию написанного текста (и самого процесса наррации) как аутотерапевтического акта — рефлексию над перенесенным опытом утраты, нужную самому субъекту.

Текст «Все так умирают?» моделирует танатографического субъекта особого типа: биографический, конкретный автор и повествователь неразделимо сливаются в одну фигуру, которая стремится слиться и с объектом повествования (умершим человеком): *«...мы с Женечкой вместе, мы нераздельны»* [Кантонистова 2001: 181], *«Мы вместе — ты во мне, Женечка»* [Кантонистова 2001: 180], ***«дело умирания — наше** дело»* [Кантонистова 2001: 198] и пр. В описании процесса умирания автор объединяет себя со своим героем и даже жалеет, что не может в полной мере стать участником этого процесса: *«Мне стыдно своего здоровья, своего возраста, своей все равно неполной причастности к Женечкиной муке»* [Кантонистова 2001: 117].

В танатографии субъектом сознания моделируется образ умершего, однако образ этот оказывается субъективированным, преломляясь сквозь призму сознания танатографического субъекта

(автора танатографии). Возникает сложная система отражений и преломлений двух типов сознания в рамках танатографического текста. Субъект растворяет свое «Я» в объекте повествования, объект повествования становится носителем предикатов: *«Мы должны ехать в город и ложиться в больницу»* [Кантонистова 2001: 47]. Часть не выступает в подобных высказываниях как непосредственный субъект или объект определенного действия; действие приписывается целому, и только целое является носителем предикатов (*«мы выздоровеем»*, *«мы любим дождь»* и др.)

Танатографический нарратив отличается и особой логикой отбора материала: осознание субъектом высказывания *конца жизни* как оформленного состоявшегося события влияет на критерии отбора тех эпизодов жизни, которые входят в итоговый текст книги. Так, события жизни оказываются детерминированными событием смерти и умирания: *«Первый и* ***последний*** *раз глотаем суп в китайском ресторанчике, что в соседнем с Женечкиным доме»* [Кантонистова 2001: 190].

Рассуждая о познании прошлого, М.М. Бахтин писал о возможности изменения «смысловой, выразительной, говорящей стороны» [Бахтин 2024: 254] этого прошлого и ставил вопрос о роли памяти в этом «вечном преображении прошлого», то есть в отыскании смыслообразующей стороны уже пережитого. Через механизмы воспоминания прошлое актуализируется и подвергается реконструкции. Выбор элементов и фрагментарность повествования в танатографии обуславливается механизмами функционирования человеческой памяти (памяти субъекта), процессами воспоминания.

Исследование субъектной сферы текстов, описывающих опыт умирания реального человека, позволяет рассматривать их как проявление особой культурной и нарративной практики, в которой формируется танатографический тип письма. Анализ этой практики — в том числе через выявление специфики танатографического субъекта — дает возможность описать закономерности становления танатологического нарратива в рамках мемуарного дискурса. Такой подход способствует уточнению понятийного аппарата танатологического литературоведения и открывает перспективы для дальнейшего теоретического осмысления репрезентаций предельного опыта в современной литературе.

Список литературы

1. [Красильников 2010] — *Красильников, Р.Л.* О литературоведческой танатологии. Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки, 2010. № 2(76). С. 137-144.
2. [Кантонистова 2001] — *Кантонистова Н., Гринберг П.* Все так умирают? СПб.: Лимбус Пресс, 2001. 256 с.
3. [Квятковский 1966] — *Квятковский А.П.* Поэтический словарь. М.: Сов. Энцикл., 1966. С. 213–215.
4. [Бахтин 2024] — *Бахтин М.М.* Собрание сочинений. Т.5. М.: ЯСК, 2024. 731 с.

Докучаева Елена Александровна
Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева
Факультет филологии и журналистики, магистерская программа «История и теория литературы»
lenadokuchaewa2014@gmail.com

Elena A. Dokuchaeva
Samara National Research University
Faculty of Philology and Journalism, MA programme in *History and theory of literature*
lenadokuchaewa2014@gmail.com

Екатерина Андреевна Нечаева
Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева
Факультет филологии и журналистики, магистерская программа «История и теория литературы»
ne4aevakaterina@yandex.ru

Ekaterina A. Nechaeva
Samara National Research University
Faculty of Philology and Journalism, MA programme in *History and theory of literature*
ne4aevakaterina@yandex.ru

№ 6 | осень 2025

ЗНАЧИМОСТЬ СУБЪЕКТА В РУССКОМ ЖЕСТОВОМ ЯЗЫКЕ: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ УКАЗАТЕЛЬНЫХ ЖЕСТОВ, КОГДА РЕФЕРЕНТ ПРИСУТСТВОВАЛ, НО УШЁЛ

Ольга Кукушкина

УДК: 81'221.24+81'22+81'23

Ключевые слова:
русский жестовый язык,
указательные жесты,
физическое пространство,
дискурсивное пространство,
картографическое представление
(Spatial mapping view),
индексальное представление
(R-locus view), языковая
концептуализация пространства

Аннотация

Тезисы посвящены анализу указательных жестов в русском жестовом языке (РЖЯ), а также их роли в конструировании дискурсивного пространства. На материале экспериментального исследования показано, что референция к объекту определяется не его физическим местоположением, а положением в языковой реальности, которую создает говорящий. Работа демонстрирует, как субъект «пересобирает» окружающий мир, подчиняя грамматику жестового языка собственным когнитивным и дискурсивным потребностям.

The Significance of the Subject in Russian Sign Language: Using Pointing Gestures When the Referent Was Present but Left

Olga Kukushkina

Keywords:
Russian sign language, pointing gestures, physical space, discursive space, cartographic representation (Spatial mapping view), indexical representation (R-locus view), linguistic conceptualization of space

Abstract

The paper examines pointing gestures in Russian Sign Language (RSL) and their role in the construction of discursive space. Based on an experimental study, it is shown that reference to an object is determined not by its physical location, but by its position in the linguistic reality created by the speaker. The work demonstrates how the subject "reassembles" the surrounding world, subordinating the grammar of sign language to their cognitive and discursive needs.

Отражение пространства в языке позволяет сделать вывод о том, как люди воспринимают реальность и взаимосвязи между объектами в физическом пространстве. Жестовые языки уникальны своей естественной природой — наличием визуально-жестовой модальности, которая может наглядно показывать человеческое восприятие окружающего мира, в частности, находящихся в нем субъектов дискурса. В контексте междисциплинарного подхода к изучению субъекта настоящее исследование позволяет проследить, каким образом лингвистические механизмы отражают процесс концептуализации и «пересобирания» субъекта в дискурсивном пространстве.

В этой работе представлены промежуточные результаты анализа указательных жестов, используемых сайнерами — носителями жестового языка — при указании на референтов их речевого дискурса в различных пространственных конфигурациях: при движении референта, нахождении за физическими преградами и выходе из помещения, в котором находится сайнер. Актуальным исследование делает проблема интеграции потенциально бесконечного количества направлений для указательных жестов в детерминированную систему, такую как грамматика.

В современной лингвистике жестовых языков существует два основных взгляда, определяющих представление субъекта в пространстве сайнера: картографическое представление в физическом пространстве (the Spatial mapping view) и индексальное представление, интегрированное в грамматику языка (the R-locus view) [Barberà Altimira 2012]. Принципиальная разница между ними заключается в том, что первый подход рассматривает пространственные указания как интуитивные проекции ментальных представлений в физическое пространство, которые не являются частью грамматики языка; R-locus view, в свою очередь, анализирует местоположения в языковом пространстве как интегрированные в грамматику r-индексы, представляющие собой ассоциации отдельных референтов с определенными пространственными локациями.

Исследование включало два пилотных эксперимента с участием двух носителей русского жестового языка. Первый эксперимент предлагал некоторое количество специально сконструированных ситуаций, моделирующих различные пространственные конфигурации, в которых от респондентов ожидалось порождение указательных жестов. Второй эксперимент заключался в оценке приемлемости записанных на видео указательных жестов, как концептуализирующих физическое пространство (spatial mapping), так и встраивающихся в языковое пространство сайнера (r-locus).

В ходе анализа полученных данных была выявлена тенденция

к использованию в качестве указательных жестов онтологической группы слов (ДЕВОЧКА, МАЛЬЧИК, ЧЕЛОВЕК и прочее), ассоциированных эмблем для референтов (МОЛОДОЙ). Активно использовались согласующиеся глаголы (agreement verbs), которые уже включают в себя лексический компонент — указание на референта. Была также отмечена значимость немануальных компонентов в указательных жестах.

Указания с конфигурацией руки формы-1 демонстрировали следующие закономерности:

1) указание на референта в поле зрения без преград: прямое указание на референта;

2) указание на референта за преградой (но в поле зрения): дугообразный жест на преграду;

3) указание на референта под столом (стол в поле зрения, референт — нет): полукруг вниз или указание на место последнего нахождения референта в поле зрения;

4) указание на референта за сайнером (вне поля зрения, но референт присутствует): указание в районе плеча вбок чуть назад или на место последнего нахождения референта;

5) указание на отсутствующего референта (референт «ушел»): указание на последнее местоположение референта в поле зрения сайнера.

Эксперимент на приемлемость показал принципиальные различия в восприятии двух подходов. Оба информанта отметили, что стратегия, основанная на Spatial mapping view, воспринимается как неправильная и даже раздражающая. R-locus подход был оценен как более правильный, поскольку указание закреплялось за определенным локусом и сохраняло свое направление при изменениях ситуации.

Результаты исследования опровергли изначальную гипотезу о преимущественном картографическом представлении референта сайнером. Предпосылки для этого вывода следующие:

— указание на ассоциированное с референтом место в случае его неопределенного местоположения (когда референт вне поля зрения или отсутствует);

— результаты эксперимента на приемлемость, подтверждающие R-locus view;

— малоподвижность указательных жестов сайнеров, которые всегда были ограничены в пространстве;

— связь указательных жестов с лексическими компонентами.

Данные свидетельствуют в пользу гипотезы R-locus и указывают на существование ограниченного дискурсивного пространства.

Когда референт находится в зоне непосредственного восприятия сайнера, его реальное и ассоциированное местоположение в дискурсе «накладываются» друг на друга, и указание приходится на самого референта.

Однако как только референт покидает эту зону — уходит из комнаты или исчезает из поля зрения — происходит выпадение из дискурсивного пространства. Сайнер указывает не на его предполагаемое актуальное место, а на «ассоциированное место» — точку в дискурсивном пространстве, где референт был зафиксирован ранее.

В промежуточных случаях, когда сайнер не уверен в точном местоположении референта (например, тот скрылся под столом или находится за спиной), возникает вариативность, которая порождает выбор между двумя стратегиями: указанием на место визуального контакта или на ассоциированное место в дискурсе.

Полученные результаты имеют важное значение для понимания механизмов концептуализации субъекта в дискурсе. Концептуализация языкового пространства у субъекта представляет собой сложный когнитивный процесс, при котором физическое пространство не дублируется, а получает новое отображение, создаваемое субъектом в соответствии с его дискурсивными потребностями и когнитивными ограничениями.

Можно постулировать, что вокруг субъекта находится особая область его взаимодействия с окружающей действительностью, которое можно назвать языковым пространством. В нем субъект ориентируется во время дискурса и может взаимодействовать с окружающими его объектами, вводя их в эту область или удаляя из нее.

Такой подход к анализу субъекта в жестовом дискурсе открывает новые перспективы для понимания общих механизмов языковой категоризации пространства и роли говорящего в его организации. Результаты работы вносят вклад в типологию жестовых языков и могут быть использованы для дальнейшего, более глубокого понимания универсальных механизмов человеческого восприятия и языковой концептуализации пространственных отношений.

Список литературы

1. [Апресян 1986] — *Апресян Ю.Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. 1986. Вып. 28. С. 5–33.
2. [Barberà Altimira 2012] — *Barberà Altimira G.* The meaning of space in Catalan Sign Language (LSC): Reference, specificity and structure in signed discourse. Tesi doctoral. Barcelona: Universitat Pompeu Fabra, 2012.

Кукушкина Ольга Андреевна
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва
Факультет гуманитарных наук, бакалаврская программа «Фундаментальная и компьютерная лингвистика»
oakukushkina@edu.hse.ru

Olga A. Kukushkina
National Research University *Higher School of Economics*, Moscow
Faculty of Humanities,
BA programme in *Fundamental and Computational Linguistics*
oakukushkina@edu.hse.ru

№ 6 | осень 2025

ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОВМЕСТНОМ БЫТИИ: ПРАКТИКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЛЮДЕЙ И ГОРОДСКИХ ГОЛУБЕЙ

Милена Пугина

УДК: 396+316+304+308

Ключевые слова:
антропология города,
голуби, гибрид,
киборгианский урбанизм

Аннотация

Городские голуби, будучи физически вездесущими, остаются символически маргинальными обитателями «невидимого города». На основе цифровой этнографии и 45 интервью с жителями Москвы и Санкт-Петербурга исследование показывает, что доминирующей нормой взаимодействия с голубями является их игнорирование. Нарушение этой нормы ведет к «обмену идентичностями»: человек, вступающий в контакт с голубем, сам рискует быть маргинализированным, воспринимаясь как «странный» или «городской сумасшедший». Таким образом, сосуществование людей и голубей в городе характеризуется постоянным конфликтом и воспроизводством социальных границ.

Identity in Coexistence: Practices of Interaction Between Humans and Urban Pigeons

Milena Pugina

Keywords:
urban anthropology, pigeons, hybrid, cyborg urbanism

Abstract

Urban pigeons, being physically omnipresent, remain symbolically marginalized inhabitants of the “invisible city”. Based on digital ethnography and 45 interviews with residents of Moscow and St. Petersburg, the study shows that the dominant norm of interaction with pigeons is to ignore them. Violation of this norm leads to an “exchange of identities”: a person who comes into contact with a pigeon runs the risk of being marginalized, perceived as “strange” or “crazy”. Thus, the coexistence of humans and pigeons in the city is characterized by constant conflict and the reproduction of social boundaries.

Голубь — один из самых распространенных и самых крупных видов синантропных птиц (неодомашненных, но связанных с человеком и его жизнедеятельностью). В любом большом западном городе они повсюду. Благодаря онтологическому повороту в социогуманитарных науках последних нескольких десятилетий, городские исследователи стали больше внимания обращать на животных в городе, в том числе на голубей. Однако, несмотря на внешнюю «вездесущность» голубей, их часто относят к понятию «невидимого города», что связано с маргинальностью их статуса как городских животных — каждый наверняка слышал фразу «голуби — переносчики болезней», как и сравнение их с другими маргинальными животными — «пернатые крысы». Так, например, исследователи А.Панкин и С.Оррего, опираясь на серию этнографических наблюдений и картографию жизнедеятельности крыс, делают вывод о том, что крысы в городе создают свои отдельные, невидимые для человека городские инфраструктуры, как, например, найденная в Нью-Йорке сеть вырытых крысами тоннелей. Таким образом, замечание крыс людьми — это «поломка», а не правило, лишь один из ассамбляжей [Orrego & Pankin 2024]. Несмотря на то, что, теоретически, у голубей могла бы быть возможность создавать свои инфраструктуры прямо напротив крысиных — в воздушной части города (что они отчасти и делают, расселяясь по карнизам и под крышами, сидя на проводах). Тем не менее, столкновений с людьми у птиц все равно гораздо больше — голуби от них не прячутся. Цель моего исследования — рассмотреть режимы сосуществования людей и голубей в городском пространстве и практики их межвидового взаимодействия при «столкновении» в нем. Методологически, исследование проводилось посредством цифровой этнографии, полуструктурированных интервью с жителями наблюдаемых городов (45 респондентов из Москвы и Санкт-Петербурга), включенного наблюдения.

Несмотря на массовое присутствие голубей в городе, многие из моих респондентов отмечали, что не замечают птиц:

> «Редко обращаю на них внимание, только на мертвых смотрю пристально из-за неожиданности и отвращения. А живые голуби как часть ландшафта».

> «Иногда я ловлю себя на мысли, что вообще игнорирую голубей. Порой они меня немножко смешат, потому что думают, что я иду за ними».

То же самое можно сказать и про восприятие людей голубями: респонденты рассказали мне, что не любят голубей в городе, потому что когда они пролетают большими стаями над прохожими, люди

боятся, что птицы врежутся в них. Географии людей и голубей пересекаются, доставляя дискомфорт обеим сторонам.

Те респонденты, которые все-таки замечают голубей не как простое препятствие в воздухе или под ногами, испытывают конфликтные чувства: одновременно желание погладить, прикоснуться к голубям, и отвращение к ним как к переносчикам болезней, связанное с их маргинализированным статусом:

> «Была бы рада регулярнее их гладить, но они либо боятся приближаться ко мне, либо я сама вдруг начинаю вспоминать слова людей о том, что они могут переносить болезни».

Эти конфликтные чувства привели некоторых из моих информантов в детском возрасте к довольно жестокому обращению к голубям:

> «Я сыпала хлебные крошки, чтобы голуби подошли и я могла их схватить. Но никогда не получалось. Но однажды мы с родителями поехали в Амстердам и оказалось что там голуби были не такие боязливые, подходили близко и мне даже удавалось наступать им на хвосты прежде чем они улетят. Сейчас это выглядит жестоко, но в тот день я была счастлива, что мне удалось прикоснуться к голубям: хотя бы ножкой».

Так, символическая и физическая неинтегрированность голубей в человеческое городское пространство воплощается в ситуации постоянного конфликта, ощущения необходимости борьбы с голубями за право на город.

При сосуществовании с голубями в едином пространстве, люди конструируют не только их идентичность, но и свою. В ходе включенного наблюдения я обнаружила, что в местах большого скопления голубей часто можно увидеть человека, который контактирует с ними больше других горожан, вне постоянного конфликта голубь/человек. Я спросила у своих респондентов, есть ли такой человек там, где живут они, и как они бы мне его описали, или, если такого человека нет, каким они его представляют. Почти все мои респонденты ответили, что представляют скорее всего пожилого одинокого человека «со странностями», «городского сумасшедшего». Таким образом, межвидовом взаимодействии человека и голубя в городском пространстве происходит некий «обмен» идентичностями, «двойное скручивание» по де Кастру [Castro 2014], когда человеку присваивается маргинальный статус голубя, а голубю — нереалистичный антропорформизм [Гвоздиков 2018], стремление к контакту с человеком, проявление эмоций по отношению к нему.

Если в городском пространстве «странность», которую человек приобретает в глазах окружающих при взаимодействии с голубями интенсивнее обычного , делает человека потенциально опасным и ставит в положение «изгоя», то в социальных сетях наоборот, поощряется. Образ голубя и контакт с живыми голубями в социальных сетях стали неотъемлемой частью нишевых «эстетик», где странность, приобретаемая от взаимодействия с голубями, оценивается положительно: weird girl aesthetic, pigeoncore и тд.

Таким образом, основной вывод моего исследования заключается в том, что социальная норма контакта с голубями — это игнорирование, и когда эта норма «нарушается», то маргинализированный статус голубя распространяется и на человека, который с ним взаимодействует.

Список литературы

1. [Гвоздиков 2018] — *Гвоздиков Д.* Мы—Альфа: к модели социальной организации человека и собаки // Этнографическое обозрение, 2018. № 6. С. 44–56.
2. [Castro 2014] — *Castro, E. B. V. d., Skafish, P.* Cannibal Metaphysics: For a Post-structural Anthropology. First edition. Minneapolis, MN: Univocal, 2014.
3. [Orrego & Pankin 2024] — *Pankin A., Orrego S.* Rats as urban infrastructure – Tarde. (n.d.). https://tarde.info/rats-as-urban-infrastructure/ , 2024.

Пугина Милена Павловна
Санкт-Петербургский Государственный университет Факультет Свободных Искусств и Наук, бакалаврская программа «Антропология и Социология»
milenapugina.ru@gmail.com

Milena P. Pugina
Saint-Petersburg State University Faculty of Liberal Arts and Sciences, BA programme in *Anthropology and Sociology*
milenapugina.ru@gmail.com

№ 6 | осень 2025

ИСТОРИК КАК СУБЪЕКТ ИСТОРИИ НА ПРИМЕРЕ ВОСТОЧНОГЕРМАНСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ФАШИЗМА

Михаил Рыжков

УДК: 433

Ключевые слова:
история фашизма,
интеллектуальная история,
ГДР, современная германская историография,
марксистская историография

Аннотация

Статья посвящена тому, как восточногерманские историки фашизма формировали интеллектуальный климат, определяющий мировоззрение последующих поколений. В послевоенной Германии роль историка была велика, так как историческая наука активно участвовала в конструировании государственной идеологии и воспитании постфашистского общества. Изучение фашизма было приоритетным направлением в восточногерманской науке. В разработке этого направления участвовало новое поколение марксистских историков, сформированных войной и диктатурой. Чтобы понять интеллектуальный климат ГДР, необходимо определить условия, сформировавшие его создателей.

Historian as a Subject of History Illustrated by the Example of East-German Fascism Researchers

Mikhail Ryzhkov

Keywords:
history of fascism,
intellectual history, GDR,
modern German historiography,
Marxist historiography

Abstract

The article focuses on how East-German historians of fascism shaped the intellectual climate that defined the worldview of subsequent generations. In post-war Germany, the role of the historian was significant, because historical science formed the state ideology and education of a post-fascist society. The study of fascism was a foreground sphere in East-German science. A new generation of Marxist historians, shaped by the war and dictatorship, played a crucial role in fascism studies. To understand the intellectual climate of the GDR, it is necessary to understand the conditions that formed its creators.

С момента своего появления на базе новых институтов историческая наука Восточной Германии строилась на противостоянии с западногерманской историографией, попытках доказать преемственность режима нынешней ФРГ с гитлеровским режимом. Таким образом, исследования фашизма, а следовательно, и ученые, специализировавшиеся в этой области, имели огромную роль в формировании идеологии государства, позиционировавшего себя как антифашистское.

В таком случае важно проследить, что формировало мировоззрение восточногерманских историков, их «бессознательные ментальные привычки, оказывающие воздействие на мысль индивида или поколения» [Лавджой 2001: 11]. Мы представляем сообщество ученых как собрание индивидов, переживших один культурный опыт. Например, в начале 1960-х гг. ядро восточногерманских исследователей фашизма – одного из приоритетных направлений в ГДР, стали относительно молодые специалисты, пережившие войну, оккупацию, плен, концентрационные лагеря.

Изучение историка как субъекта позволит определить стратегии поведения человека в условиях диктатуры СЕПГ. Были ли исследователи, в известной степени формировавшие идеологию в ГДР, конформистами или же убежденными марксистами? И какой вклад они внесли в историю самой ГДР?

Во все времена ученые как часть интеллектуальной элиты формируют интеллектуальный климат общества. Известно немало примеров того, как дискуссии в рамках исторической науки становятся достоянием широкой аудитории. Еще более повсеместны случаи того, как история как дисциплина используется государством для обоснования политического курса. В таких обстоятельствах исследователь сам становится субъектом истории.

В послевоенной Германии роль историка как субъекта была высока. Во-первых, в обеих Германиях путем создания научных институтов сформировались принципиально различные типы исторической науки: основанная на плюрализме мнений западногерманская наука, первоначально с преобладавшим консервативным элементом, и восточногерманская марксистская наука, подконтрольная государственным институтам [Schmidt 1984: 8]. Во-вторых, в Германии перед интеллектуальной элитой стояла особая задача – вынести уроки из гитлеровского периода, организовать антиавторитарный консенсус, который не допустит нацистского реванша, способствовать суду над нацистскими преступниками. Определить те «духовные условия», которые сделали возможным преступления нацизма было под силу именно историкам.

Еще в советской оккупационной зоне начала создаваться новая немецкая социалистическая наука, призванная формировать нового гражданина. Чтобы понять, почему она была такой, надо обратиться к рассмотрению фигур тех, кто ее составлял. После Второй Мировой войны в исследовательские учреждения ГДР приходит новое поколение марксистских историков. Его составляли ученые, имевшие фронтовой или лагерный опыт, начавшие обучение или получившие степень уже после падения гитлеровского режима. Этих исследователей сформировали годы войны, диктатуры, лагерей. Бывший коммунист-подпольщик Курт Госсвайлер, прошедший сталинские лагеря, Вольфганг Руге, уроженец Вроцлава, свидетель Холокоста Курт Петцольд и другие составили ядро восточногерманских исследователей фашизма. Помимо использования марксистской методологии для анализа гитлеровского режима, которая обращает особое внимание на взаимодействие государства и монополистического капитала, молодое поколение историков-марксистов обладало отличительными чертами. Изучение фашизма воспринималось учеными как борьба с этой идеологией. Руге писал: «Я жаждал узнать у моих товарищей о приходе фашизма, выяснить как гитлеризм укоренился в головах у стольких немецких рабочих. Я принимаю решение присоединиться к исследовательской группе группе Академии наук[1] и трудиться добросовестно, в меру своих возможностей. Возможно, познав одну диктатуру, я смогу добиться ясности в изучении другой» [Ruge, S. 440].

Историки ГДР однозначно сводили гитлеровский режим к «теории агентуры», согласно которой Гитлер и НСДАП признавались марионетками крупных немецких промышленников. Несмотря на столь одностороннюю трактовку Третьего Рейха, восточногерманскими исследователями были подробно изучены взаимодействия государства и крупного капитала, что однозначно способствует пониманию многих процессов гитлеровского периода [Борозняк 1999: 139].

Молодое поколение восточногерманских историков заложило основы для изучения фашизма с марксистских позиций. Ряд работ получил международное признание, например, работы Юргена Кучинского. Исследователи способствовали формирования разных дискурсов: антифашистского — ГДР, а затем антикоммунистического — в объединенной Германии. Заметнее всего влияние историков на формирование основ послевоенного немецкого общества выражается в политике памяти о Второй Мировой войне и гитлеровском режиме.

1. Имеется в виду Германская Академия наук

Список источников

1. [Ruge 2004] — *Ruge, Wolfgang*. Berlin-Moskau-Sosswa. Stationen einer Emigration. Bonn: Pahl-Rugenstein, 2004.

Список литературы

1. [Борозняк] — *Борозняк А. И.* Искупление. Нужен ли России германский опыт преодоления тоталитарного прошлого? М.: Независимое издательство «Пик».
2. [Лавджой 2001] — *Лавджой А.* Великая цепь бытия. История идеи. М.: Дом интеллектуальной книги. 2001. 11
3. [Schmidt 1894] — *Schmidt, Walter.* Zur Konstituierung der DDR-Geschichtswissenschaft in den fünfziger Jahren. Berlin: Akademie-Verlag, 1984.

Рыжков Михаил Александрович
Уральский Федеральный университет
Исторический факультет, направление аспирантуры «Всеобщая история»
mickryzhkov@mail.ru

Mikhail A. Ryzhkov
Ural Federal university
Faculty of History, postgraduate program in *World History*
mickryzhkov@mail.ru

№ 6 | осень 2025

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНАЯ СУБЪЕКТИВНОСТЬ И ПАРАДОКС ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СУБЪЕКТИВНОСТИ

Виталий Рябоконь

УДК: 165.12, 111.11

Ключевые слова:
трансцендентальная субъективность, онтология, временность, феноменология, И. Кант, М. Хайдеггер

Аннотация

В статье рассматривается сформулированный Э. Гуссерлем парадокс человеческой субъективности: будучи субъектом (конститутивным условием) для мира, она в то же время должна быть объектом в этом мире. Начиная с Канта, попытки разрешения этого парадокса двигались по линии выделения онтологической структуры субъективности, которая оказывается связана со временностью. М. Хайдеггер радикально онтологизирует эту проблему, находя основание человеческой субъективности в конечности, но впоследствии онтологическое рассмотрение субъективности уступило место рассмотрению различных практик конструирования субъективности. В статье поднимается вопрос об актуализации феноменологических исследований этой области в связи с появляющимися многочисленными исследованиями нечеловеческих субъективностей, а также бурным развитием ИИ.

Transcendental Subjectivity and The Paradox of Human Subjectivity

Vitaly Ryabokon

Keywords:
transcendental subjectivity, ontology, timeliness, phenomenology, I. Kant, M. Heidegger

Abstract

The article examines the paradox of human subjectivity formulated by E. Husserl: while being the subject (the constitute condition) for the world, it must simultaneously be an object within this world. Starting with I. Kant, attempts to resolve this paradox have proceeded by identifying the ontological structure of subjectivity, which turns out to be linked to timeliness. M.Heidegger radically ontologizes this problem, grounding human subjectivity in finitude. However, the ontological consideration of subjectivity was later superseded by an examination of various practices of its construction. The article raises the question of reactualizing phenomenological research in this area, prompted by the emergence of numerous studies on non-human subjectivities and the rapid development of AI.

В современной философии существует тенденция критики трансцендентально-феноменологических проектов, которые первичным образом проблематизируют связь познающего/переживающего субъекта и тотатальности всего того, что может быть ему дано в опыте – т. е. мира. В классической феноменологии этот разрыв преодолевается посредством выделения трансцендентальной субъективности, выступающей инвариантом всякого опыта и конституирующей мир как замкнутое смысловое единство. Трансцендентальное Я становится тем центром, из которого исходят все возможные корреляции между сознанием и бытием, и тем самым условием самой возможности феноменальности.

Однако подобная позиция вызывает ряд принципиальных возражений. Если трансцендентальная субъективность претендует на онтологический статус, то необходимо показать, каким образом она сама конституирована. Здесь возникает основное затруднение феноменологической традиции: трансцендентальное Я, по Э. Гуссерлю, не принадлежит миру реально; мир пребывает в нем «ирреально», то есть как смысловое образование [Гуссерль 2010: 41]. В этом обнаруживается парадокс: как нечто, не находящееся в мире, может быть условием его данности (субъектом) и в то же время объектом в этом же мире? [Гуссерль 2004: 239] А отсюда вытекает и следующий парадоксальное обстоятельство: как Я, чья онтология исключена из поля опыта, способно конституировать саму сферу опыта как универсальный мир человеческой жизни?

Начиная с И. Канта, попытки решения этой проблемы направлялись по линии анализа временной структуры субъективности – того, что делает возможным отношение между феноменами и познающим субъектом. Уже Кант наметил идею субъекта как «носителя» временной структуры: субъективность не просто условие возможности познания, но условие возможности всякого опыта вообще, удерживающее в единстве прошлое, настоящее и будущее. М. Хайдеггер, развивая эту линию, предложил *радикальную* онтологизацию трансцендентального: Dasein (приходящее на смену классическому субъекту) мыслится как бытие, которому в самой его экзистенции присуща временность (Zeitlichkeit), но уже не как форма внутреннего чувства, а как способ самого бытия-в-мире.

Хайдеггер стремится показать, что трансцендентальная субъективность у Канта не сводится к логическому «Я мыслю», а выражает более изначальное измерение — «из-себя-исхождение» субъективности, ее трансценденцию: «Но если эти три способа выхватывающего обхвата (ausgreifenden Umgreifens) есть не что иное, как изначально единая структура перво-действия (Urhandlung) Я как Я-мыслю –

которое Кант также называет “Я связываю”, – то субъект как это единство перво-действия сам есть нечто, что, выхватывая (ausgreifend), выходит по существу из себя (heraustritt), при этом совершенно не покидая себя самого, и в самом этом выхождении (Heraustreten) (из себя) конституирует измерение, которое гарантирует возможность того, что нечто вообще может принадлежать мне (die Möglichkeit einer Mirzugehörigkeit von etwas gewährleistet) [в этом выхватывании]» [Heidegger 1987: 390]. Понятия субъективности, трансценденции и временности оказываются тесно связанными.

Временность у Хайдеггера оказывается не просто условием познания, но онтологическим источником всякого смысла. С помощью понятия бытия-к-смерти (Sein-zum-Tode) Хайдеггер на новом основании ставит вопрос о *целостности* субъективного бытия (и в этом смысле предлагает именно онтологическую теорию субъективности): именно предвосхищение собственной конечности позволяет субъекту охватить свое существование как целое. В этом смысле фундаментальная онтология раскрывает то, что у Канта оставалось невыраженным: субъект не только конституирует время, но и сам есть временность.

Ж.-П. Сартр в «Трансценденции Эго» радикализировал критику метафизической модели субъективности. Он показал, что Я (в какой бы форме оно ни представлялось) не является центром сознательных актов, а конституируется вторично в акте рефлексии: сознание имеет автономный неотрефлексированный уровень и не нуждается в «Я» как центре. Такие сознательные акты как гнев, ненависть и т. д. в широком смысле *безличны* [Сартр 2016: 40], и только рефлексия «добавляет» в них «Я». Эго, таким образом, – не трансцендентальное условие, а феномен, возникающий тогда, когда одно сознание схватывает другое как «мое». Тем самым Сартр сохраняет феноменологическую установку, но освобождает ее от метафизического предположения о внутреннем центре, возвращая субъективность в мир, где она фактически живет и действует.

Таким образом и хайдеггеровский проект подвергается той же критике, что и феноменология Гуссерля: несмотря на отказ от трансцендентального эго, Dasein сохраняет черты субстанциализированной субъективности. Его «экзистенциальная структура» по-прежнему задает центр опыта, пусть и переопределенный в терминах заботы и бытия-к-смерти. В результате в философии второй половины XX века утверждается скепсис в отношении самого разговора о целостности субъекта. На первый план выходит множественность форм опыта – культурных, телесных, языковых, социальных – и проблематика трансцендентального вытесняется анализом исторических и материальных практик.

Однако, в свете последних научных исследований не-человеческих субъективностей и разработок в области ИИ, представляется, что возвращение проблематики трансцендентальной субъективности оказывается неизбежным: требуют нового систематического рассмотрения временность как основная черта трансцендентальной субъективности и целостность субъективного опыта; переопределение отношений между традиционно выделяемыми способностями познания и возможностью получать внутренний опыт (возможна ли субъективность за пределами временности?). Трансцендентальная субъективность также должна помочь не усугубить различие между Я и миром, но, будучи в частности «средой феноменализации» феноменов [Ямпольская 2024: 115], показать широту и бесконечные, еще не открытые горизонты познания мира и понимания бытия. С сугубо философской точки зрения исследование трансцендентальной субъективности полезно еще и тем, что позволяет с большей, чем в свое время удалось Канту, основательностью показать единство теоретического и практического разумов, тем самым составляя аналитику целостного феномена рациональной субъективности.

Список литературы

1. [Гуссерль 2004] — *Гуссерль Э.* Кризис европейских наук. СПб.: Владимир Даль, 2004. 399 с.
2. [Гуссерль 2010] — *Гуссерль Э.* Картезианские медитации.М.: Академический Проект, 2010. 230 с.
3. [Сартр 2016] — *Сартр Ж.-П.* Трансценденция Эго. М.: Институт общегуманитарных исследований; Модерн, 2016. 160 с.
4. [Ямпольская 2024] — *Ямпольская А.В.* Что такое феноменология. Томск: Издательство Томского государственного университета, 2024. 250 с.
5. [Heidegger 1987] — *Heidegger M.* Phänomenologische Interpretation von Kants Kritik der reinen Vernunft. Marburger Vorlesung, Wintersemester 1927/28 // Heidegger M. GA, Bd. 25. Vittorio Klostermann. Frankfurt a/M., 1987. 436 S.

Рябоконь Виталий Васильевич
Европейский университет в Санкт-Петербурге
Центр практической философии «Стасис», аспирант,
научная специальность «Онтология и теория познания»
vitaly7r@gmail.com

Vitaly V. Ryabokon
European University at Saint-Petersburg
Center for Practical Philosophy *Stasis*,
postgraduate programme in *Ontology and Epistemology*
vitaly7r@gmail.com

№ 6 | осень 2025

EGEAS CORPUS: ТЕЛО И ТЕХНИЧЕСКАЯ ПЕРЕСБОРКА СУБЪЕКТА НОВОЕВРОПЕЙСКОГО ПРАВА

Иван Сапогов

УДК: 340.122, 321.011.1

Ключевые слова:
новоевропейский субъект,
субъект права, смерть субъекта,
диспозитив, Technik,
аккаунт, правовой порядок

Аннотация

Заметка исследует новоевропейский правовой порядок с точки зрения субъекта права и его связи с телом. Именно тело начинает имплементировать идеи Просвещения в правовую систему Европы через *Habeas Corpus Act* и правовые процедуры, отражающие суверенное достоинство субъекта. Порядок модерна стремится умалить тело, сделать его покорным и идентифицируемым. В современную цифровую эпоху вещественное тело как физическое средоточие воли вытесняется цифровым техническим телом — учетной записью, лишающей субъекта возможности неповиновения и автономной воли. Делается вывод, что правовой субъект Нового времени проходит путь от телесного присутствия как юридической гарантии к растворению своей суверенной воли в цифровых структурах и техническом порядке.

Egeas corpus: Body and Technological Reassembling of Modern Legal Subject

Ivan Sapogov

Keywords:
subject of modernity,
subject of law,
death of a subject, dispositive,
Technik, account,
legal order

Abstract

The note explores how the modern European legal order links body to legal subject. The author points out that it is the body that begins to implement the ideas of the Enlightenment into the legal system of Europe through the *Habeas Corpus Act* and legal procedures that reflect the sovereign dignity of the subject. The order of modernity seeks to diminish the body, making it docile and identifiable. In the modern digital era, the physical body has been replaced by a digital technical body — an account that deprives the subject of the ability to disobey and have an autonomous will. It is concluded that the legal subject of modernity goes from protecting its bodily presence to dissolving its sovereign will in digital structures of technical order.

В наиболее операционализированном виде новоевропейский правовой порядок представляется автосубзистантной системой, а субъект права — объектом чистого юридического конструирования. Не люди и не их тела, но лица являются теми сущностями, отношения между которыми он регулирует. Наибольшего выражения герметичность правового порядка достигает в позитивистской теории права, где он рассматривается как особый, замкнутый на самое себя механизм, в котором на специальном языке выражены отношения между людьми и организациями и сами они (и лица, и отношения) названы определенным образом, существующим лишь в правовой реальности.

Может показаться, что тело здесь оказывается вытеснено в пользу правового конструкта, тем более, что по мере становления дисциплинарной власти последняя все меньше уделяет внимание телу, демонстрируя известную брезгливость к нему [Фуко 2021; Фуко 2005: 253–278]. Тем не менее связь правового порядка Нового времени и тела при внимательном рассмотрении оказывается куда более прочной.

С момента своего зарождения правовая теория Нового времени регулярно обращается к внеправовым категориям (Г. Кельзен [2015: 88–92], пожалуй, назвал бы их «моральными»), полагая, что в корпусе законов выявляется более или менее успешным образом некий вне их лежащий естественный правовой порядок. Вероятно, кельзеновское учение о чистом праве, противопоставленное естественно-правовой теории [Там же: 485–536], следует считать первым признаком приближающегося кризиса. Непосредственно тело начинает имплементацию идей Просвещения в правовую систему: *Habeas Corpus Act* (1679), предписывающий по первому требованию арестованного представлять его суду для проверки обоснованности ареста. [Акт (1679) 1957] открывает, с одной стороны, необходимость непосредственного *телесного* присутствия для начала работы процедуры установления истины, с другой — разлитый в толще народа суверенитет, присущий субъекту [Rousseau 1755; Rousseau 1782; Фуко 2005: 60–61], и необходимость процедуры, в которой с субъектом обращаются согласно его суверенному достоинству.

Современное положение субъекта, который прежде мог уклониться от правового порядка и быть с необходимостью в него возвращенным машинерией особых методов [Фуко 2011] ныне кардинально поменялось, так как субъект лишен даже возможности совершить неповиновение. Дело в том, что его тело полностью устранено из оборота. Он еще распоряжаться своей плотяной оболочкой, но то, что составляет его имущество и что выводит его из животного

состояния, позволяет желать и бороться [Кожев 2003: 10–39] или, по крайней мере, оставаясь животным, размещаться в мире знаков [Дуглас 2000: 100], давно не лежит в его воле, злой или доброй.

Порядок модерна всегда стремился умалить тело, сделав его покорным [Фуко 2021: 165–207], исчислимым и идентифицируемым, то есть нарастив субъекту некое дополнительное, идеальное, техническое тело, выраженное в технике солдатской выправки [Mauss 1936], единообразном документе [Байбурин 2017] или идентификационной карточке из полицейской картотеки [Торвальд 1991]. Тем не менее все существовавшие доныне системы идентификации были основаны на принципе сличения — идентификация собственно и означает сличение — то есть не полностью прилегали к тому, что в повседневном языке принято называть человеком. Оставалась возможность минимального люфта между человеком и его правовой проекцией — утери, подделки, побега, удаления от мира.

Раньше для взыскания недоимки по налогам или штрафам необходимо было обнаружить и ухватить тело должника, описать обстановку его жилища, обнаружить средства и ценности, находящиеся, несмотря на фиктивность денежного знака, в его непосредственном обладании. Теперь же техника прирастила человеку новое, нерасторжимое с ним тело, которое составляет цифровая сущность, носящее имя account'а во всем многообразном значении этого английского слова. Тело как физическая сущность, покорная или непокорная порядку, полностью устраняется. Оставляя человеку его биологическую субстанцию, голую жизнь (*nuda vita*) [Агамбен 2011], взыскатель молниеобразно, как если бы приводил в движение собственное тело, обращает взыскание на *account*, то есть новое техническое тело, разлитое по всей связности технологического по-става (Gestell) [Хайдеггер 1993: 229].

Начавшись как *habeas corpus* юридической процедуры, новоевропейский субъект права кончает жизнь в *egeas corpus* техники, растворяя свою учредительную волю в ее совершенном по-ставе [Там же]. Последним же актом суверенной воли новоевропейского типа следует считать, видимо, отсечение от телесно обусловленной подписи в пользу ее цифрового аналога (где само слово «аналог» следует читать по-хайдеггеровски — как ἀν-ᾰ́-λογος, не-бес-счетное) и подписание этим «ан-а-логом» бесчисленных пользовательских соглашений, после которых уже никакая воля не будет возможна.

Благодарности

Автор благодарит доцента кафедры современных проблем философии философского факультета РГГУ к. филос. н. Владислава Михайловича Карелина, любезно согласившегося принять на себя научное руководство магистерской диссертацией, некоторые положения которой изложены в настоящей заметке.

Список литературы

1. [Агамбен 2011] — *Агамбен Дж.* Homo Sacer: суверенная власть и голая жизнь / пер. с ит. И. Левиной, О. Дубицкой, П. Соколова, М. Велижева, С. Козлова. М.: Европа, 2011.
2. [Акт (1679) 1957] — Акт о лучшем обеспечении свободы подданного и о предупреждении заточений за морями (Habeas Corpus Act) // Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв. / сост. Н. Блохин. М.: Госюриздат, 1957. С. 116–126.
3. [Байбурин 2017] — *Байбурин А.К.* Советский паспорт. История — структура — практики. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2017.
4. [Дуглас 2000] — *Дуглас М.* Чистота и опасность: анализ представлений об осквернении и табу / пер. с англ. Р. Громовой. М.: Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 2000.
5. [Кельзен 2015] — *Кельзен Г.* Чистое учение о праве / пер. с нем. М. Антонова и С. Лезова. СПб.: Алеф-Пресс, 2015.
6. [Кожев 2003] — *Кожев А.* Введение в чтение Гегеля / пер. с фр. А. Погоняйло. СПб.: Наука, 2003.
7. [Торвальд 1991] — *Торвальд Ю.* Век криминалистики. М.: Прогресс, 1991.
8. [Фуко 2005] — *Фуко М.* «Нужно защищать общество» / пер. с фр. Е. Самарской. СПб.: Наука, 2005.
9. [Фуко 2011] — *Фуко М.* Безопасность, территория, население / пер. с фр. Н. Суслова, А. Шестакова, В. Быстрова. СПб.: Наука, 2011.
10. [Фуко 2021] — *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова. М.: Ад Маргинем; Гараж; 2021.
11. [Хайдеггер 1993] — *Хайдеггер М.* Вопрос о технике // Время и бытие. М.: Республика, 1993. С. 221–237.
12. [Mausse 1936] — *Mausse M.* Les techniques du corps // Journal de Psychologie. XXXII, № 3–4, 15 mars – 15 avril. 1936.

13. [Rousseau 1755] — *Rousseau J.-J.* Discours sur l'origine et les fondements de l'inégalité parmi les hommes. Amsterdam: M. M. Rey, MDCCLV.
14. [Rousseau 1782] — *Rousseau J.-J.* Du contrat social, ou Principes du droit politique. Londres, 1782.

Сапогов Иван Андреевич
Российский государственный гуманитарный университет, Москва
Философский факультет,
магистерская программа
«Историко-философские и социальные исследования»
sapogovivan@gmail.com

Ivan A. Sapogov
Russian State University for the Humanities, Moscow
Faculty of Philosophy,
MA programme in *Historical, philosophical and social studies*
sapogovivan@gmail.com

ПРОЯВЛЕНИЕ НЕВИДИМОГО СУБЪЕКТА: КАК АНОНИМНЫЙ ДРЕВНЕРУССКИЙ АВТОР ПОМЕТ В ТРАВНИКЕ ПЕТРО АНДРЕА МАТТИОЛИ (1501-1577) ОБНАРУЖИВАЕТ СЕБЯ СКВОЗЬ ТЕКСТ

Екатерина Святохина

УДК: 8+80+801.82+801.7

Ключевые слова:
роль автора, глоссы,
травник Маттиоли,
древнерусская книжность,
научное знание на Руси, субъект

Аннотация

В статье, посвященной проблематизации роли автора в контексте изучения глосс неизвестного русского книжника рубежа XVII-XVIII веков на полях травника ботаника Андреа Маттиоли (Prag, 1563), раскрывается аспект проникновения субъективного опыта в научный текст. Основной целью является проследить за тем, как выделение авторского подхода и его специфических черт в тексте влияет на принцип работы с пометами и их интерпретацию, помогая обнаружить неявного субъекта. Используя методику точек зрения повествователя применительно к нехудожественному тексту надписей, мы можем открыть контекст образа мыслей и интенций автора, несмотря на их непроговоренность в обезличенных на первый взгляд глоссах.

The Detection of the Invisible Author: How the Anonymous Writer of Marginalia in the Herbal Book of ***Mattioli, Pietro Andrea*** *(1501-1577) Reveals Himself Through the Text*

Ekaterina Svyatokhina

Keywords:
authorial role, glosses, the Herbal Book of Pietro Andrea Mattioli, Old Russian bookishness, scientific knowledge in Rus', the subject

Abstract

This abstract examines the author's role through a study of glosses by an unknown Russian scribe from the turn of the 18th century, found in the margins of botanist Pietro Andrea Mattioli's herbal (Prague, 1563). It explores the infusion of personal, subjective experience into the scientific text of these glosses. The primary goal is to trace how identifying the author's unique approach and specific features within the text influences the methodology for interpreting the marginalia, thereby helping to reveal the implicit subject. By applying the methodology of narrative viewpoint analysis to these non-literary annotations, we can uncover a broader context for the author's mindset and intentions, which remain unstated within the highly impersonal-looking glosses.

При работе с таким источником, как печатный травник Маттиоли [Mattioli 1563] XVI века, содержащий в себе записи безымянного русского автора, относимые к рубежу XVII-XVIII веков, исследователь сталкивается с бóльшим количеством белых пятен, чем конкретных фактов.

Первой отметкой о его местонахождении в России является свидетельство о том, что некий Пав<ел> Слепцов[1] [Норцов 1904] передал издание из города Сердобска в Московский Императорский Университет в 1869 г. Доподлинно неизвестен путь, которым издание попадает в допетровскую Русь [Успенский 1970], неизвестно имя и статус книжника, оставившего больше 800 подписей разного размера и содержания к иллюстрациям в травнике, неизвестна и мотивировка такого большого труда (объем книги составляет 575 листов большого (2°) формата).

В такой ситуации исследователь оказывается скован узкими рамками максимально деперсонализированного текста, сообщающего на первый взгляд исключительно факты о растениях и их использовании для лечения болезней, откликаясь на соответственые статьи в травнике. Как текст, претендующий на существование в качестве научного, он лишен оценок и должен выражать некоторые объективные истины о свойствах трав, принятые на тот момент в зарождающейся русской ботанической традиции. О научной направленности помет можно судить по некоторым внутритекстовым особенностям, заключающимся в контекстуальных маркерах такого типа сочинений на Руси этого периода: использование церковнославянизмов и полонизмов, организация помет по принципам, характерным для азбуковников, с вынесением латинского, после русского и/или транслитерированного названия растения и заметкой о характеристике описываемого после.

Тем не менее, уже на этапе определения мотивации записей, мы проводим работу, включающую в себе исследование как бы не существующего в рамках текста субъекта — автора данных помет. Стоя за их написанием, он является актором, обладающим некой интенцией и замыслом как отдельная личность, и его намерения формируют объект его действий. Таким образом, появляется возможность, если не определить достоверно, то приблизиться к открытию неизвестных нам сведений о процессе и месте создания записей через детали, указывающие на контекст, в котором находился автор как субъект, опираясь на текст.

1. Это может быть Павел Петрович Слепцов (1845-1880), в 1869 г. окончивший Демидовский лицей в Ярославле, но может быть и Павел Иванович (1818-?); еще один Слепцов – Павел Васильевич (1824-1882) – жил в Москве, а не в Саратовской губернии [Норцов 1904].

Основной проблемой при работе с автором научного текста как с обладателем личного опыта и носителем персональных качеств является ориентирование большинства методов исследования фокализации в нарративах на материале художественных текстов. Мы не можем говорить о повествовании и средствах выразительности, оценке и авторской идеологии, особенно находясь в контексте естественно-научного знания. Таким образом, оказываясь лишенными значительной части способов анализа, мы оказываемся в ситуации, где мы адаптируем и изменяем его инструментарий под научный текст. Выбрав методику точек зрения повествователя, описанную Б.А.Успенским [Успенский 1970], для реконструкции образа анонимного автора, предполагающую анализ различных планов текста, мы концентрируемся на плане выбора языковых средств и фактической информации.

Рассматривая словоупотребления книжника, рассматривая его как субъекта, мы можем определить, во-первых, какая лексика для него выступает в качестве научной, какие термины и названия он знает и предпочитает использовать. Здесь стоит оговориться: во многом данный аспект связан с тем, что ботаническая наука как отдельная отрасль находилась в зарождающемся состоянии на рубеже XVII-XVIII веков в России. Терминология и язык ученых сочинений только формировались и были далеки от единообразия, находясь на пересечении новейших европейских сведений и существующей многовековой традиции, ориентированной на азбуковники и иные компиляции, существующие в первую очередь как продукт древнерусской книжной культуры. Во-вторых, мы получаем возможность собрать условную “библиографию” автора, прослеживая совпадения названий и конструкций в известных нам источниках, которыми он мог и, скорее всего, пользовался при подготовке текста помет. Именно анализ этого плана подтверждает гипотезу о его научном назначении, вернее, о *стремлении* автора представить его в таком качестве: употреблением им церковнославянизмов (например, выбор слова “власы” в конструкции “власы женские” при русификации названия растения *Trichomanes, vulgo Polytrichum*) должно связывать текст с традицией собраний-азбуковников, а полонизмы (такие, как “рожа”/“рожень” в описании растения, в современном русском записываемом как “Роза”[2]), говорит о представлении о польском как о языке науке, на котором существовали сведения, пришедшие из Европы, и уже после попавшие на Русь. Также мы можем выяснить и некоторые труды, используемые книжником для составления своих помет (а, следовательно, известных в определенном кругу,

2. Данная на запись содержится на странице [61А] в источнике.

к которому он относился, и находившихся в его доступе): так, ошибочно определяя циветту как “морского барсука” — носуху, он использует сведения из *Aldrovandi, Ulisse. De quadrupedibus digitatis viuiparis libritres, et De quadrupedibus digitatis ouiparis libri duo* [Aldrovandi 1637].

Во многом этой же цели служит анализ плана выбора фактуальной информации: книжник строит свои пометы по одному принципу, используя форму, привычную для азбуковников и травников [Ипполитова 2008]. Он записывает факты о месте произрастания, времени сбора, особенностях внешнего вида растений и рецептах лекарств, однако делает это только в самом начале — после первой трети от заметок остаются только транслитерированные и иногда русские названия. С одной стороны, это может давать информацию о широте знаний автора, о том, что ему известно или неизвестно, а с другой — говорить о его мотивировке, условиях и контексте работы, так как среди оставшихся без даже краткого описания есть достаточно большое количество скорее ему знакомых (в отличие от многих достаточно экзотических, но находящихся в первой части книги).

Несмотря на то, что на данном этапе установка личности книжника представляется затруднительной, с помощью анализа проявлений субъекта через планы текста были выявлены структурные и фактические элементы, позволяющие с определенной долей уверенности поместить автора в контекст Аптекарского приказа, осуществляющего в том числе научную и учебную деятельность, объясняя таким образом возможную прагматику создания русских записей к тексту зарубежного травника. Таким образом, восстанавливая и выделяя автора текста, мы открываем более широкий контекст, чем в случае работы с текстом глосс как с изолированным материалом. “Голос” книжника отражает специфику формирования научного ботанического нарратива в России XVII-XVIII веков.

Список источников

1. [Азбуковник 1632] — Азбуковник Давида Замарая 1632 г. Библиотека Российской академии наук, Архангельское собрание, Д446.
2. [Азбуковник 1640 - 1649] — Азбуковник Сергия Шелонина (первая редакция) 1640 - 1649 гг., Библиотека Российской академии наук, 33.9.1.
3. [Азбуковник 1653 - 1659] — Азбуковник Сергия Шелонина (третья редакция) 1653 - 1659 гг. Российская национальная библиотека, Соловецкое собрание, 18/18.

4. [Aldrovandi 1637] — *Aldrovandi, Ulisse.* De quadrupedibus digitatis viuiparis libritres, et De quadrupedibus digitatis ouiparis libri duo. - Bonon[iae]: Apud Nicolaum Tebaldinum, 1637.
5. [Mattioli 1563] — *Mattioli, Pietro Andrea* (1501-1577). New Kreüterbuch mit den allerschönsten und artlichsten Figuren aller Gewechß, dergleichen vormals in keiner Sprach nie an Tag kommen / von dem Hochgelehrten vnd weitberuembten Herrn Doctor Petro Andrea Matthiolo ; erstlich in Latein gestellt ; Folgendts durch Georgium Handschder Artzney Doctorem verdeutscht, vnnd endtlich zu gemeine, nutz vnd wolfart Deutscher Nation in druck verfertigt. Prag: Melantrich von Aventin, 1563.

Список литературы

1. [Ковтун 1989] — *Ковтун Л.С.* Азбуковники XVI-XVII вв. [Текст]: старшая разновидность / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1989.
2. [Худин 2021] — *Худин К.С.* Документы Аптекарского приказа (1629-1672 гг.) как исторический источник. Дисс… канд. истор. наук, М.: МГУ, 2021.
3. [Норцов 1904] — *Норцов А. Н*. Материалы для истории дворянских родов Мартыновых и Слепцовых, с их ветвями (с гербами, портретами и таблицами). Тамбов, 1904.
4. [Сапожникова 2016] — *Сапожникова О. С.* Лицевой Травник Сергия Шелонина: список с перевода русского врача XVI в. Вестник “Альянс-Архео,” Вып. 15, 2016. С. 11-40
5. [Бакланова 2014] — Образ автора и образ адресата нехудожественного текста: монография / И. И. Бакланова ; Гос. ин-т русского яз. им. А. С. Пушкина. - Москва : Информационно-учебный центр Гос. ин-та русского яз. им. А. С. Пушкина, 2014.
6. [Успенский 1970] — Поэтика композиции : структура художеств. текста и типология композиц. формы / Б. А. Успенский. – Москва : Искусство, 1970. – 224 с., [15] л. ил. – (Семиотические исследования по теории искусства).
7. [Ипполитова 2008] — *Ипполитова А.Б.* Русские рукописные травники XVII-XVIII веков: исследование фольклора и этноботаники / А. Б. Ипполитова. М.: Индрик, 2008 М.: Типография "Наука" РАН.

Святохина Екатерина Владимировна
Научный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва
Факультет гуманитарных наук, бакалаврская программа «Филология»
evsvyatokhina_1@edu.hse.ru

Ekaterina V. Svyatokhina
National Research University *Higher School of Economics*, Moscow
Faculty of Humanities,
BA programme in *Philology*
evsvyatokhina_1@edu.hse.ru

№ 6 | осень 2025

MISE EN ABYME КАК ГРАНИЦА СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В НАРРАТИВЕ: «ПЕТРОВЫ В ГРИППЕ» К. СЕРЕБРЕННИКОВА

Полина Цветкова

УДК: 82.0 + 7.017.9

Ключевые слова:
нарратив, диегезис, экзегезис, метаповествование, субъект

Аннотация

В статье рассматривается специфика структурного приема *mise en abyme* как инструмента подмены и нивелирования субъектности в нарративе. На материале метаповествовательных пластов фильма К. Серебренникова «Петровы в гриппе» демонстрируется, как *mise en abyme* проблематизирует позиции субъектов восприятия — кинематографического героя и зрителя. Субъект понимается как лицо, воздействующее на конструирование нарратива, — в диегесисе и экзегезисе. Методологическую основу составляет нарратологический подход Л. Муравьёвой. Благодаря воспроизведению через *mise en abyme* одного элемента на разных уровнях, нарратив являет свою ощутимость и тем самым ставит зрителя в положение не смотрящего, а видимого; образует систему, где взгляд становится фигурой обратимости, а не константы.

Mise en Abyme as the Boundary of Subject-Object Relations in Narrative: Petrov's Flu by K. Serebrennikov

Polina Tsvetkova

Keywords:
narrative, diegesis, exegesis, metanarrative, subject

Abstract

This article examines the specific characteristics of the structural device of *mise en abyme* as a tool for substituting and negating narratorial subjectivity. Drawing on the meta-narrative layers of Kirill Serebrennikov's film *Petrov's Flu*, the analysis demonstrates how *mise en abyme* problematizes the positions of the perceiving subjects — the cinematic hero within the diegesis and the viewer in the exegesis. The study employs the methodological framework of L. Muravyeva's narratology. By reproducing a single element across different narrative levels, *mise en abyme* renders the narrative tangible, thereby positioning the viewer not as one who sees, but as one who is seen. This process creates a system in which the gaze becomes a figure of reversibility rather than a constant.

Выражение *mise en abyme* с французского языка переводится как «помещенный в бездну» и указывает на ситуацию, когда нарратив воспроизводится в самом себе — целиком или составляющими его частями [Муравьева 2023: 133–134]. Для структуры *mise en abyme* характерно появление внутренней рамки, которая тождественна рамке внешней: текст-в-тексте [Лотман 2014: 36], фильм-в-фильме.

Когда «реальное» событие во внешней рамке дублируется «вымышленным» событием во внутренней рамке, оба они начинают восприниматься зрителем не как самостоятельные субъекты, а как объекты, взятые в кавычки. Фильм-в-фильме напоминает о том, что и основной фильм — вымысел, а его фикциональная природа благодаря дублированию выставляется напоказ. Прием выталкивает зрителя из эффекта правдоподобия, разрушает целостность нарративного мира и обнажает статус нарратива как культурного артефакта. В результате зритель вынужден рефлексировать о взаимоотношениях между вымыслом и правдоподобием: одно влияет на другое, и наоборот.

Более того, прием задает нестабильную позицию зрителя — субъекта-наблюдателя за разворачивающимся нарративом. При столкновении с противоречием вымысла и правдоподобия в ментальном восприятии зрителя создается новая внедиегетическая рамка. В ней участником действия оказывается сам зритель — из субъекта восприятия он превращается в потенциальный объект внутри нарратива. Это противоречие формулируется Х.-Л. Борхесом так: «Если вымышленные персонажи могут быть читателями, то мы (по отношению к ним читатели) тоже, возможно, вымышлены» [Руднев 1999: 269]. Так же, как фильм становится «фильмом», акт зрительской интерпретации преобразуется в самостоятельный фикциональный нарратив.

Конкретные примеры из фильма «Петровы в гриппе» (Hype Film, 2021) демонстрируют эту динамику. Главный герой, Петров, рисует комиксы, в которых воспроизводится образ его жены. Героиня Петрова из «реального» диегетического пространства фильма дублируется в изначально фикциональном метадиегетическом пространстве комикса. В творчестве главного героя жена предстает женщиной-супергероем, в то время как в основном пространстве фильма она задумывает убийство. Факт рифмовки двух линий создает нестабильность в том, как воспринимается персонаж. Происходит его отождествление с искусственной копией: нарратив наталкивает на мысль о том, что, возможно, Петрова — не простая женщина, а потустороннее существо с тягой к убийствам. Так *mise en abyme*

деавтоматизирует восприятие зрителя, фокусируя внимание на тождественности детали, воспроизведенной в разных модальностях.

Другой пример — *mise en abyme* как редупликация персонажа. Петров заходит в свою квартиру, и в окне появляется его гигантский двойник-наблюдатель. Знакомая, кажущаяся реальной и правдоподобной квартира в следующем кадре оказывается кукольным домиком — «квартирой», а сам герой расщепляется на объект и субъект переживания. Петров «подглядывает» за своей судьбой так же, как зритель «подглядывает» за всеми событиями фильма. Возникает метафикциональный разрыв: на экране воспроизводится та же ситуация, в которой находится сам зритель. Фильм напрямую обращается к смотрящему, имитирует его и тем самым указывает, что зритель тоже видим и находится под наблюдением. Такой эффект вызывает странное чувство: «мир (или фильм) смотрит на меня». Взгляд становится инструментом, который обращает смотрящего (зрителя-субъекта) в видимого («зрителя»-объекта).

Такую ситуацию М. Ямпольский сравнивает с тем, как хищник смотрит на бабочку [Ямпольский 2019: 54–55]. Определенные виды бабочек имеют на крыле пятно, которое напоминает образ глаза — бабочка раскрывает крылья, и вдруг на хищника устремляется взгляд двух больших глаз. Это доказывает зеркальную обратимость мира, который смотрит на зрителя так же, как зритель смотрит на него [Там же]. Инструмент восприятия одновременно становится инструментом объективации.

Mise en abyme также может принимать форму зеркальных отражений одного образа. Например, в фильме «Петровы в гриппе» встречается расщепленный образ Снегурочки — предвестницы Нового года. Он воспроизводится: 1) в бредовом видении Петрова в исполнении маленькой девочки; 2) в воспоминании Петрова о походе на елку в образе Марины (Ю. Пересильд); 3) во вставной новелле от лица самой Марины; 4) в персонаже случайной кондукторши (М. Клещёва). Строится система из двойников-отражений, которые встречают зрителя на разных уровнях нарратива, вложенных друг в друга, но рамка между которыми довольно размыта. Так задается эпистемологическая ненадежность нарратива: зеркальный лабиринт маскирует истинный источник образа, множит путающие копии-объекты, затрудняет зрительскую герменевтику.

То же расщепление случается и с центральной темой инопланетян, которая видна, например, в титрах фильма — внешней рамке, но также и во внутренней сцене инопланетного похищения сына Петрова. Даже на декорациях в фильме встречаются фразы «Выход

в космос» или «Они среди нас». А один из персонажей во вставной новелле поет песню под названием «Синий троллейбус уносит их в космос». Мотив воспроизводится на разных уровнях, и тем самым снова и снова выводится в поле зрительского внимания. Так наррация являет свою «ощутимость» — намеренное манипулирование зрителем. Направляя его взгляд, нарратив пытается «посмотреть в ответ», т.е. перенять субъектность и власть над происходящим. Все видимое в момент оборачивается для зрителя нереальным, частью большого субъектно-объектного мира, в котором взгляд предстает фигурой обратимости, а не константы.

Список источников

1. Петровы в гриппе. Фильм. Реж. К. С. Серебренников. Россия, Hype Film, 2021.

Список литературы

1. [Лотман 2014] — *Лотман Ю.М.* Текст в тексте // Образовательные технологии. 2014. № 1. С. 30–42.
2. [Муравьева 2023] — *Муравьева Л.Е.* Mise en abyme: Вариации значения // НЛО. 2023. № 179. С. 133–149.
3. [Руднев 1999] — *Руднев В.П.* Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1999. 384 с.
4. [Ямпольский 2019] — *Ямпольский М.Б.* Изображение. Курс лекций. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 424 с.

Цветкова Полина Сергеевна
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Факультет гуманитарных наук, магистерская программа «Восточноевропейские исследования»
pstsvetkova@edu.hse.ru

Polina S. Tsvetkova
National Research University *Higher School of Economics*, Moscow
Faculty of Humanities,
MA programme in *Eastern European Culture Studies*
pstsvetkova@edu.hse.ru

№ 6 | осень 2025

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ TRAUMA STUDIES: ТЕЛЕСНОСТЬ, ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ, МЕХАНИЗМЫ СИМВОЛИЗАЦИИ

Андрей Швед

УДК: 82-194+930.85

Ключевые слова:
Trauma studies,
российская патриотическая
поэзия, нарративный фетишизм

Аннотация

Тезисы посвящены анализу современной патриотической поэзии через призму *trauma studies.* Цель работы — выявить способы репрезентации травматического опыта в современной патриотической поэзии на примере трех поэтических антологий. Авторы современной патриотической поэзии предпочитают избегать прямого разговора о травме, стремясь переводить его в другие смысловые регистры. Предпринимается попытка ответить на вопрос, почему те механизмы работы с травматическим, к которым прибегают патриотические поэты, не позволяют раскрыть потенциальную глубину предельного опыта, вынуждая обращаться к готовым риторическим моделям.

Modern Russian Patriotic Poetry through the Prism of Trauma Studies: Physicality, Temporality, Mechanisms of Symbolization

Andrey Shved

Keywords:
Trauma studies,
Russian patriotic poetry,
narrative fetishism

Abstract

The paper is devoted to modern patriotic poetry through the prism of *trauma studies.* The aim of the work is to identify ways of representing traumatic experiences in modern patriotic poetry using the example of three poetic anthologies. The authors of modern patriotic poetry prefer to avoid direct conversation about trauma, trying to translate it into other semantic registers. This accademic research attempts to answer the question of why the mechanisms of dealing with trauma — which patriotic poets resort to — do not allow them to reveal the potential depth of ultimate experience, forcing them to turn to ready-made rhetorical models.

Начало специальной военной операции (СВО) стало переломным событием в общественно-политической и культурной жизни России, вызвав формирование нового литературного дискурса. Русская литература откликнулась на происходящее появлением большого числа текстов и поэтических сообществ, позиционирующих себя как «патриотические». Это направление, которое можно определить как современную патриотическую поэзию (СПП), во многом соотносится с официальным политическим дискурсом, но остается внутренне гетерогенным и конкурентным.

Для анализа СПП используется понятийный аппарат *trauma studies,* оформившийся в конце XX века в трудах К. Карут, Ш. Фелман, Д. Лакапры. Отправной точкой традиции стало внимание З. Фрейда к природе травматического опыта и фиксация массовых психотравматических симптомов после Первой мировой войны. XX век, отмеченный масштабными трагедиями (Вторая мировая война, Холокост, бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, сталинские репрессии, Афганская война и др.), дал обширный материал для концептуализации травмы как индивидуального и коллективного опыта.

Важным ориентиром для анализа является конструктивистский подход Д. Александера, Н. Смелзера, Р. Айермана и П. Штомпки. В их трактовке травма понимается как социальный конструкт: травматическим признается то, что определенное сообщество обозначает как травму [Александер 2013: 258], также травмой могут считаться резкие социальные изменения, следствием которых становятся тяжелые переживания [Штомпка 2001: 8].

Объектом исследования выступает современная патриотическая поэзия, предметом — способы репрезентации в ней предельного (травматического) опыта через категории телесности, темпоральности и механизмы символизации. Материалом послужили три антологии: «Поэzия русского лета» (2022), «Воскресшие на Третьей мировой» (2023) и «Поэzия русской зимы» (2024), а также отдельные публикации в сетевых и печатных изданиях.

Несмотря на активное развитие *trauma studies* применительно к трагическим событиям XX века (Холокост, блокада Ленинграда, бомбардировка Хиросимы и Нагасаки), современная патриотическая поэзия, связанная с событиями на Украине, еще не становилась объектом анализа в рамках этой научной парадигмы. Настоящее исследование стремится заполнить эту лакуну.

Опыт советской поэзии времен Великой Отечественной войны служит важной моделью для современных патриотических авторов. В 1941–1945 годах и в первые послевоенные годы в советской литературе сосуществовали две ключевые риторические модели:

мобилизационная и скорбящая. Первая, воплощенная, например, в стихотворении К. Симонова «Убей его» (1942), трансформировала личную боль в интенцию отмщения и выполняла функцию прямой агитации. Вторая модель — скорбная, связанная с традицией плача, — пробивалась в тексты О. Берггольц, А. Твардовского и других авторов, но не всегда получала официальное признание. Характерен пример стихотворения Твардовского «Враги сожгли родную хату» (1945), запрещенного к публикации в 1949 году: горевание не соответствовало нарративу «победного пафоса» и было вытеснено на периферию официального литературного дискурса.

В послевоенной поэзии участников фронта травматический опыт начинает осмысляться в более интимном и личном ключе. В стихотворении Твардовского «Я знаю, никакой моей вины...» (1966) возникает тема неустранимого чувства вины перед погибшими товарищами. Этот текст служит примером того, как коллективный опыт войны постепенно переходит в поле личной рефлексии.

Поэты шестидесятники (Булат Окуджава, Владимир Высоцкий, Роберт Рождественский) унаследовали опыт Великой Отечественной войны в иной политической ситуации. Их тексты, сохраняя формальную принадлежность к соцреалистическому канону, часто противостояли официальному дискурсу. В песнях Высоцкого война предстает не в героико-эпической перспективе, а как трагедия простого человека; Окуджава писал о войне через мотивы утраты и сострадания, создавая антивоенную интонацию, которая вступала в противоречие с мобилизационным пафосом власти. В поэтике шестидесятников прослеживается двойственность: с одной стороны, необходимость оставаться в пределах допустимого цензурой дискурса, с другой — стремление, пусть и имплицитно, выразить травматический опыт, распознаваемый читателем на подсознательном уровне и недопустимый с точки зрения официального канона. Таким образом, шестидесятникам удается артикулировать «эмоционально дискомфортный опыт» [Кукулин 2005: 623].

Современные патриотические авторы активно апеллируют к поэтам-фронтовикам, подражая их риторике и позиционируя себя наследниками «коллективного "мы"». Однако обращение к шестидесятникам и их критическому, антивоенному тону встречается значительно реже. Причина, на наш взгляд, в том, что патриотические поэты стремятся актуализировать мобилизационный нарратив, а не проблематизировать войну как травму. В этом заключается главное различие: если фронтовая поэзия со временем пришла к осмыслению трагедии, а шестидесятники предприняли попытку зафиксировать непроговоренную травму Великой Отечественной войны

(«эмоционально дискомфортный опыт»), то СПП «потворствует» принципу «нарративного фетишизма» [Сантнер 2009: 392], вытесняющего травматическое за пределы артикуляции, формулируя следующие способы работы с потенциальным травматическим:

1. Телесность. В поэтике СПП телесные образы (раненое, убитое, героизированное тело) выполняют функцию символов национального единства и жертвенности. При этом страдание чаще проецируется на «своих», в то время как опыт врагов почти не осмысливается, что исключает пацифистский регистр.

2. Темпоральность. Временные категории в патриотической лирике структурируются через апелляцию к историческим аналогиям (Великая Отечественная война, «вечная» борьба России с врагами). Прошлое интегрируется в настоящее, создавая нарратив преемственности и героизации.

3. Механизмы символизации. Авторы активно используют заимствованные риторические формулы («жертва», «верность», «кровь», «судьба»), формируя дискурс, где травма перерабатывается в мобилизационный ресурс. Это связано с феноменом «нарративного фетишизма» [Сантнер 2009: 392], когда избыточное продуцирование текстов вытесняет рефлексию травматического опыта.

СПП одновременно наследует традицию советской военной поэзии и дистанцируется от рефлексивного опыта послевоенных поколений, что свидетельствует о ее двойственной позиции между идеологической мобилизацией и замалчиванием травмы.

Итак, современная патриотическая поэзия функционирует как квазилитературное сообщество, внутренне неоднородное, но объединенное задачей создания поэтики национальной мобилизации. СПП репрезентирует травматический опыт через ограниченный набор риторических регистров, которые препятствуют глубинной артикуляции боли, утраты и скорби, но позволяют закрепить коллективную идентичность. В условиях, когда официальная символическая власть не кодирует события СВО как травму [Звоновский, Ходыкин 2023: 40], патриотическая поэзия не фиксирует травматический опыт эксплицитно, хотя имплицитные формы травматизации в текстах присутствуют.

Таким образом, современная патриотическая поэзия демонстрирует двойственность: с одной стороны, она стремится нормализовать экстремальные события через героизацию и ритуализацию, с другой — невольно приближается к попытке трансляции травматического опыта, требующего дальнейшего анализа.

Список источников

1. Воскресшие на Третьей мировой. Антология. Антология военной поэзии 2014-2022 гг. / Сост: О. Демидов, А. Колобродов, З. Пелевин. СПб.: Питер. 2023.
2. Поэзия русского лета. Антология. М.: RT, 2022.
3. Поэзия русской зимы. Антология. М.: RT, 2024.

Список литературы

1. [Александер 2013] — *Александер Дж.* Культурная травма и коллективная идентичность // Смыслы социальной жизни: Культурсоциология. М.: Праксис, 2013. С. 255–310.
2. [Звоновский, Ходыкин 2023] — *Звоновский В.Б., Ходыкин А.В.* Государственное событие и личные трагедии: становится спецоперация коллективной травмой для россиян? // Социодиггер. 2023. Т. 4. № 1–2. С. 37–48.
3. [Кукулин 2005] — *Кукулин И.* Регулирование боли (Предварительные заметки о трансформации травматического опыта Великой Отечественной/Второй мировой войны в русской литературе 1940–1970-х годов) // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. / Сост. второго изд. М. Габович. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 617-658.
4. [Сантнер 2009] — *Сантнер Э.* По ту сторону принципа наслаждения // Травма: пункты. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 392–398.
5. [Фелман 2009] — *Фелман Ш.* Слепота закона и ее формы, или Свидетельства невидимого // Травма: пункты. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 516–561.
6. [Штомпка 2001] — *Штомпка П.* Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16.
7. [Caruth 1996] — *Caruth C.* Unclaimed Experience. Trauma, Narrative, and History. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1996.
8. [LaCapra 1992] — *LaCapra D.* Representing the Holocaust: Reflections on the Historians' Debate // Friedlander S. (ed.) Probing the Limits of Representation: Nazism and the «Final Solution». Cambridge: Harvard University Press, 1992. P. 108–127.
9. [Winter 2014] — *Winter J.* Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European Cultural History. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.

Швед Андрей Константинович
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург
Департамент филологии,
магистерская программа «Русская литература в кросс-культурной и интермедиальной перспективах»
andreyshved8@gmail.com

Andrey K. Shved
National Research University *Higher School of Economics*, St. Petersburg
Department of Philology,
MA programme in *Russian literature in cross-cultural and intermediate perspectives*
andreyshved8@gmail.com

АВТОРАМ

Приглашение к публикации

Мы принимаем ранее не публиковавшиеся работы студентов бакалавриата, магистратуры и аспирантуры, посвященные исследованиям в области филологии, истории, антропологии и других гуманитарных наук. Если ваша статья подходит под темы ближайших выпусков, заполните эту форму. Мы свяжемся с вами по почте и обсудим детали нашего дальнейшего сотрудничества.

Если у вас нет готовой статьи, но есть отличная идея, заполните эту форму. Опишите ваш материал и методы исследования, примерную структуру будущей статьи. Мы напишем вам письмо, в котором расскажем, насколько редакция заинтересована в таком материале, или предложим, как можно доработать идею, чтобы статья лучше подошла для тематического выпуска.

Если тема вашей статьи не вписывается в анонсированные номера, но вы все равно хотите опубликоваться — заполните последний раздел той же формы, опишите кратко содержание вашей статьи, и редакция обязательно рассмотрит вашу заявку. Возможно, сейчас мы как раз планируем сделать выпуск по вашей теме в следующем учебном году.

Отобранные редакцией статьи проверяются на плагиат, а затем проходят процедуру двойного слепого рецензирования. После рецензирования статья может быть принята к публикации без изменений, возвращена автору для доработки или отклонена. На заключительном этапе проводится редактура и корректура рукописи, все правки обязательно обсуждаются с автором.

Вы можете задать любые вопросы, написав нам на почту: svoimi.slovami.journal@gmail.com.

Правила оформления статей

Текст статьи должен быть написан на русском или английском языке. Объем оригинальной статьи должен составлять не менее 20 000 и не более 40 000 знаков с пробелами (включая примечания, список источников и библиографический список).

Используемый текстовый редактор MS Word, шрифт Times New Roman, кегль 12, межстрочный интервал 1.5, поля 2 см со всех сторон, отступ в начале абзаца 1.25, выравнивание текста по ширине.

Ссылки на литературу внутритекстовые, в квадратных скобках. Например: [Иванов 2020: 15]. На архивные источники: [ЦГА. Ф. 148. Оп. 1. Д. 84. Л. 1–2об]. Допускается наличие необходимых примечаний. Все примечания оформляются как концевые, при этом внутри текста указывается порядковый номер примечания в квадратных скобках. Например: [1].

При желании автор может выразить благодарность своему научному руководителю в первом примечании. Там же указывается участие в грантах, если это необходимо.

К статье прилагается список источников (в том числе архивных материалов) и библиография, двумя списками в алфавитном порядке. Русскоязычные источники ставятся в начало списка. Вот примеры оформления разнотипных позиций библиографического списка.

К статье могут быть добавлены иллюстрации, не более 5 изображений. Файлы в формате JPG или PNG, качеством 300 dpi. Обязательно указывайте автора и правообладателя, если изображение цитируется — то источник цитаты.

Наиболее актуальные требования к оформлению рукописей находятся на нашем сайте.

Другие варианты сотрудничества

В каждом выпуске журнала мы публикуем переводы статей зарубежных исследователей и исследовательниц. Если вы хотели бы перевести для журнала такую статью — оставьте заявку в форме, укажите, какими языками вы владеете и в какой области гуманитарного знания лежат ваши научные интересы. Как только у нас появятся переводческие задачи, требующие ваших навыков, мы с вами свяжемся. К сожалению, мы не можем просто взять и опубликовать перевод того, что вы выберете. Прежде всего, нужно получить разрешение на публикацию у владельца авторских прав, и эту задачу мы берем на себя. Именно поэтому, прежде чем начинать перевод, обязательно напишите в редакцию, и дальше мы расскажем вам, что делать.

Если вы хотите написать рецензию на книгу, взять интервью у ученого или сделать репортаж с культурного мероприятия — для вас открыт культурный раздел журнала. Статьи в нем публикуются только на сайте и не проходят процедуру слепого рецензирования. Мы с радостью примем новых авторов — напишите нам на почту svoimi.slovami.journal@gmail.com, приложите примеры ваших текстов и несколько тем, за которые вы готовы взяться.

В редакции журнала всегда есть, чем заняться. Напишите нам на почту svoimi.slovami.journal@gmail.com, расскажите о своих навыках, и мы попробуем найти им применение. Особенно ищем студентов, знакомых с верстkой, с авторским правом или с литературным редактированием англоязычных текстов.

FOR AUTHORS

Call for Submissions

The journal accepts articles written by undergraduate, graduate and postgraduate students devoted to research in the fields of language and literary studies, history, anthropology and other humanities. Manuscripts submitted to In your own words ("Svoimi Slovami") should not be under simultaneous consideration by any other journal, nor should they have been published elsewhere. If you have written an article and it fits within the aims of the announced topic of one of the next issues, please fill out this form (link). We will contact you to discuss the possibility of cooperation.

If you have not written an article yet, but do have a striking idea for it, fill out this form (link). In it, describe your idea, subject matter and research methods, as well as an approximate structure of the future article. We will let you know if we are interested in such an article, or suggest how to work on the idea so that the article fits better into the thematic issue.

If the topic of your article does not fit for our announced issues, please fill out the last section of the form (link). In that section, briefly describe the content of your article, and the editors will consider your application. That will be exceedingly valuable for our planning of the topics for the next issues.

Articles selected by the editors undergo plagiarism checking and double-blind peer review procedure (link), according to the results of which the article can be accepted for publication without changes, returned to the author for revision, or rejected. After this, editing and proofreading take place. All the alterations are made after negotiation and getting agreement from the authors.

If you have any questions left, feel free to write to us at: svoimi.slovami.journal@gmail.com.

Manuscript Submission Guidelines

The article should be written in Russian or English. The manuscript should be no less than 20,000 and no more than 40,000 characters (including spaces, as well as footnotes and a reference list). The text editor that must be used is MS Word, the font is Times New Roman, font size is 12, line spacing – 1.5, margins – 2 cm on all sides, indentation at the beginning of the paragraph – 1.25; text is left-aligned.

If your article is written in English, please format your paper in Chicago style (CMOS Author-Date). Please consult The Chicago Manual of Style. You might also find it helpful to use the guide by Purdue Online Writing Lab.

If your article is written in Russian, consult the Russian version on our website (link).

If desired, the author can express gratitude to their supervisor in the first note. There the author also specifies any sources of funding (if applicable).

The article is accompanied by a reference list in alphabetical order. You will find examples of the formatting of some resources here (link).

Illustrations (no more than 5 images) can be added to the article — JPG or PNG file format; 300 DPI. Be sure to indicate the author and copyright holder, and if the image is cited – the source of the citation.

You can always find the most relevant submission guidelines on our website (link).

Other Forms of Collaboration

In each issue of the journal, we publish translations of articles by foreign researchers. If you would like to translate such an article for the journal (from any language to English or Russian), please, fill out the form (link) where you indicate which languages you can translate from and in what area of humanitarian knowledge your scientific interests lie. As soon as we have a task that requires your skills, we will contact you. Unfortunately, we cannot just publish a translation of whatever you choose. First of all, you need to obtain permission from the owner of the copyright, and we take on the task of negotiation. This is why, before starting your work on the translation, be sure to contact the editors.

If you would like to prepare a book review, an interview with a researcher or reporting from a cultural event, you might be interested in writing for the cultural section of the journal. Articles in it are published only on the website and do not go through the blind peer review procedure.

Please, write to us at svoimi.slovami.journal@gmail.com, attach samples of your writing and several topics that you are ready to work with.

The editorial office of the journal always has something to do. Write to us at svoimi.slovami.journal@gmail.com, tell us about your skills, and we will try to find an option of engagement for you. We are especially looking forward to working with students who are familiar with layout design, copyright regulations or literary editing of texts in English.